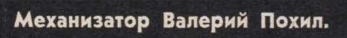

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА
№ 34 АВГУСТ 1976

Зерно Павлограда.

Механизатор Валерий Похил.

И. ГАВРИЛОВ
Фото автора.

ДЫХАНИ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 34 (2563)

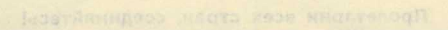
21 АВГУСТА 1976

Хлебный обоз.

Е ХЛЕБА

идет жатва

Во время встречи.

Телефото В. Соболева (ТАСС)

ДЫХАНИЕ ХЛЕБА

Пшеница, не посчитавшись с календарем, созрела в воскресенье. Но и комбайны в уборочную страду не знают выходных: спелый, полный колос в тот же день был скошен, обмолочен и привезен на Павлоградский комбинат. Первого хлеба было совсем мало — всего 82 тонны, но как его ждали! К машинам с пшеницей спешили люди, заглядывали в кузова, улыбались...

На следующий день по дорогам района мчались уже колонны машин, груженных хлебом. Рабочий день уплотнился — до двадцати четырех тяжелых, но радостных часов. Про отдых все забыли, потому что, когда хлеб идет, нельзя медлить. Хлеб мчится по грунтовкам и шоссейкам, течет по транспортерам струйкой, рекой, шумит океаном нового урожая.

— Хлеб, как маленький ребенок. Ему и внимание и уход. Недосмотришь — беда,— говорит директор комбината А. Я. Емпольская.

Для нее хлеб — это тридцать лет жизни, долгие рабочие годы, которые превратились в привычные будни — беспокойные и взволнованные.

Люди здесь редко говорят о своей любви к хлебу, для них она естественна, как жизнь...

Разгружаются машины: несколько тонн пшеницы густо и сильно стекает с кузова в огромную во-

Школьница Алла Самсоненко — помощница лаборантов.

ПРИЕМ Л. И. БРЕЖНЕВЫМ ДЕЛЕГАЦИИ ФЕДЕРАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ ЯПОНИИ

Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев 13 августа принял находящуюся в Советском Союзе делегацию Федерации экономических организаций Японии («Кэйданрэн») — председателя федерации Тосио Доко (глава делегации), заместителей председателя федерации Кидзо Ясуи, Исаму Саэки, Бумпэй Оцуки, Норисигэ Хасэгава, Нихатиро Ханамура, начальника правления федерации Цугио Ибаяси.

В ходе беседы, прошедшей в деловой, дружественной обстановке, имел место обмен мнениями о состоянии и перспективах развития отношений между Советским Союзом и Японией. Особое внимание было уделено вопросам торгово-экономического сотрудничества.

Л. И. Брежнев и Т. Доко выразили удовлетворение тем, что в последние годы торгово-экономические связи между двумя странами неуклонно расширяются. В последние годы заключен ряд соглашений о крупномасштабных проектах экономического сотрудничества. Такой курс отвечает интересам Советского Союза и Японии.

Л. И. Брежнев подчеркнул стремление Советского Союза к последовательному развитию и углублению добрососедских отношений с Японией.

Т. Доко отметил, что экономические круги Японии придают важное значение деловому сотрудничеству с Советским Союзом на долговременной основе, они выступают за дальнейшее развитие дружественных отношений с СССР.

В беседе приняли участие: с советской стороны — министр внешней торговли Н. С. Патоличев, первый заместитель министра внешней торговли И. Ф. Семичастнов, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. И. Блатов, торгпред СССР в Японии В. Б. Спандарьян; с японской стороны — посол Японии в СССР Акира Сигемицу.

Во время вручения награды. Телефото Пренса Латина — ТАСС.

ВЫСОКАЯ НАГРАДА

14 августа в Гаване состоялась торжественная церемония вручения ордена Октябрьской Революции Первому секретарю Центрального Комитета Коммунистической партии Кубы, Премьер-министру Революционного правительства товарищу Фиделю Кастро Рус.

Посол СССР в Республике Куба Н. П. Толубеев зачитал приветственное послание Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, в котором дается высокая оценка вклада Фиделя Кастро в развитие советско-кубинской дружбы и сотрудничества, в сплочение содружества социалистических государств, в борьбу народов против империализма и реакции, за свое национальное и социальное освобождение. «50 лет жизни и из них почти три десятилетия революционной борьбы — таким юбилеем, таким жизненным путем мог бы справедливо гордиться любой коммунист и революционер», — говорится в приветствии.

С ответным словом выступил товарищ Фидель Кастро. От имени всего кубинского народа он горячо поблагодарил товарища Леонида Ильича Брежнева за теплые, братские, революционные и глубоко человечные слова послания. Фидель Кастро подчеркнул тесные, революционные, интернационалистские и братские связи между Советским Союзом и Кубой и выразил глубокую убежденность в том, что ничто не сможет разрушить существующие между советским и кубинским народами тесные узы дружбы.

На торжественной церемонии присутствовали члены Политбюро и Секретариата ЦК Компартии Кубы, заместители премьер-министра, министры, другие официальные лица.

Между рейсами.

В закрома Родины.

Шофер В. Я. Олейников.

ронку, и хлеб вдруг оживает — начинает дышать. Не верю своим глазам, но зерно дышит, поднимается и опускается в каком-то мерном, живом ритме. Потом мне объяснили — это просто кажется. Так проявляется сыпучесть и еще что-то, но мне хочется верить: все-таки хлеб дышит.

Поздно вечером, уходя с комбината, я увидел станцию. Машин с пшеницей не было, вечером они ходят реже, и у девчат, берущих пробы зерна для анализа, получился перерыв. Они танцевали друг с дружкой под транзистор, весело и бойко, как будто не было позади долгих часов трудной работы. Вскоре подошло несколько машин. На бортах белым по красному светились в ночи слова: «Слава хлеборобам»...

ЗНАМЕНОСЦЫ МИРА И ПРОГРЕССА

Николай НОВИКОВ

Наше время войдет в летопись истории как время замечательных побед идей коммунизма. Неудержимо развивается мировой революционный процесс, в центре которого борьба двух общественных систем нашего века — социализма и капитализма. Соотношение сил в этой борьбе неуклонно изменяется в пользу социализма. Сегодня социализм, все революционные силы современности определяют магистральный путь развития человечества.

Коммунисты всегда рассматривали мир и сотрудничество между народами в качестве одного из основополагающих принципов справедливого общественного устройства. Советский Союз следует курсом мирного сосуществования и призывает к этому другие государства с первых дней своего рождения. Успехи дела мира, социального и национального освобождения в огромной степени зависят от единства международной армии коммунистов, от сплоченности всех революционных, прогрессивных, демократических и миролюбивых сил.

Состоявшаяся в Берлине Конференция коммунистических и рабочих партий Европы явилась важным вкладом в дело борьбы за мир, безопасность, сотрудничество и социальный прогресс на европейском континенте. Берлинская конференция ярко продемонстрировала готовность 29 партий, представлявших свыше 29 миллионов коммунистов Европы, решительно бороться за цели, близкие и понятные всем народам, развивать интернационалистское сотрудничество и солидарность на основе великих идей Маркса, Энгельса, Ленина, действовать еще более тесно и сплоченно.

В яркой, глубоко аргументированной речи Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева была всесторонне проанализирована международная обстановка, очерчены перспективы и возможности борьбы за мир и свободу народов, за идеалы социализма и коммунизма, изложена принципиальная позиция нашей партии по обсуждавшимся вопросам, ее ленинская внутренняя и внешняя политика, проводимая на основе решений XXV съезда и отвечающая интересам как советского народа, так и народов всего мира.

Конференция в Берлине послужила новым стимулом для активизации деятельности сил прогресса на нашей планете. Реализация целей, поставленных Берлинской конференцией, подчеркивает в своем решении Политбюро ЦК Коммунистической партии Австрии, отвечает классовым интересам трудящихся, равно как и национальным интересам каждого народа, интересам прогресса всего человечества. Вице-председатель Компартии Финляндии Т. Синисало подчеркивал, что никакое другое политическое движение не имеет ни сил, ни способностей внести такой вклад в дело мира, безопасности, сотрудничества и общественного прогресса Европы, как это сделали компартии, участвовавшие в Берлинской конференции.

Коммунистические партии — признанный, испытанный авангард мирового рабочего класса. С каждым годом растет армия коммунистов. Сегодня они действуют, борются в 89 странах нашей планеты. Только в течение последних десятилетий образовалось 14 новых коммунистических партий, а число коммунистов увеличилось на 20 миллионов. Намного возросло число избирателей, голосующих за коммунистов на выборах. Это результат их настойчивости в борьбе за массы, за объединение рабочего класса и всех сил, способных бороться против власти монополий, установление подлинно демократических режимов, создание предпосылок перехода к социализму. В ряде капиталистических стран коммунистические партии превратились в авторитетные политические силы.

Ярким свидетельством этому служит выдающийся успех коммунистической партии Италии на недавних парламентских выборах. Рост числа голосов, поданных за итальянских коммунистов, означает усиление антикапиталистических настроений, растущую ориентацию на радикальные преобразования социально-экономических и политических структур. Факты действительности вновь и вновь подтверждают, что социализм, как предвидели создатели научного коммунизма, стал объективным условием и настоятельной потребностью дальнейшего прогресса человечества.

Коммунисты рассматривают разрядку напряженности как важный вклад в создание международных условий, способствующих национальному прогрессу. Все более полное утверждение принципов мирного сосуществования создает благоприятные предпосылки для полной независимости и самостоятельного развития стран, способствует борьбе народов за демократические и социальные преобразования в капиталистических государствах.

Однако успехи в области разрядки вызывают яростное противодействие тех, кто наживается на гонке вооружений, кто выступает под лозунгами «крестового похода» против стран социалистического содружества. Миф о «советской угрозе» используется как предлог для подавления прогрессивных сил, для обмана широких масс и безудержной гонки вооружений. Фальсифицируя политику социалистических стран, реакционные круги на Западе, а также маоистское руководство пытаются повернуть вспять позитивный процесс развития международных отношений, отравить политический климат, обострить отношения между государствами.

Исторический опыт показал, что коммунисты являются самыми мужественными и последовательными борцами за мир, защитниками интересов трудящихся. За ними идут огромные массы людей, разделяя их взгляды и убеждения, одобряя и поддерживая их политику. Во всех концах земли множатся силы борцов за народное счастье, за мир и социальный прогресс, за коммунизм. Передовые люди всех стран связывают самое лучшее, самое светлое с идеалами коммунизма.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

Что дают народному хозяйству систематические наблюдения поверхности нашей планеты из околоземного пространства? С директором созданного недавно Государственного научно-исследовательского центра изучения природных ресурсов ДОКТОРОМ ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИХ НАУК ИВАНОМ ПАВЛОВИЧЕМ ВЕТЛОВЫМ беседует корреспондент «Огонька» МАРК БАРИНОВ.

— Иван Павлович, вы выступали на страницах нашего журнала десять лет назад, летом 1966 года, когда был запущен первый советский метеорологический спутник Земли. Однако уже тогда вы говорили, что недалеко время, когда наблюдатель на орбитальной станции, видя всю генеральную картину погоды на планете, сможет производить диагноз происходящего и давать прогноз на будущее.

С тех пор мы познакомились с работой советских орбитальных станций-лабораторий, с «Салютами». Экипажи их проводили и проводят многочисленные и разнообразные наблюдения. Значит ли это, что наш разговор получил реальное воплощение?

— Жизнь, как всегда, богаче и разнообразнее любой мечты. Так и в случае, о котором вы спрашиваете. Летом 1966 года первый метеорологический спутник «Космос-122» стал выдавать информацию для нужд службы погоды.

Всего десять лет прошло, а прогресс в деле использования космоса огромный. Вот недавно по радио передавали интервью Германа Степановича Титова. Он вспоминал задания, которые получали космонавты, отправляясь в первые полеты: «Попробовать поспать в космосе...», «Попробовать пообедать в космосе...». Сегодня это звучит курьезно, особенно если вспомнить комплекс сложнейших экспериментов, которые ведут наши «Байкалы». Значение этих экспериментов трудно переоценить.

— Недавно сообщалось об экспериментах, которые ведет экипаж «Салюта-5» по исследованию загрязнения атмосферы. Наблюдения также касались распределения водяного пара в верхних слоях. Известно также из сообщений экипажей орбитальных станций, что они наблюдают и за атмосферными процессами и за ледовой обстановкой — словом, фактически делают то, чем занимается метеоролог-наблюдатель. Разве это не есть начало работы службы погоды на орбитальной станции?

ВИЖ

— Как и все советские люди, мы с волнением ждем новых сообщений от наших «Байкалов», радуемся их успехам. Однако не надо забывать, что «Салют» — научная лаборатория, по числу выполняемых заданий даже целый институт, в котором ведутся исследования с перспективой на будущее. А с метеонаблюдениями из космоса сегодня успешно справляется автоматическая аппаратура системы «Метеор».

И в то же время работы наших космонавтов, например, исследования «Салюта-5» с инфракрасным телескопом, для нас, метеорологов, чрезвычайно важны. Они указывают пути к лучшему пониманию метеорологических процессов и явлений. Это то будущее, которое станет завтра практикой космической службы погоды.

— Учреждение, которое вы возглавляете, называется Центром изучения природных ресурсов. Однако мне известно, что вошедшие в его состав подразделения ранее занимались только спутниковой метеорологией. Что означает эта перемена?

— Эта перемена довольно характерна для нашего времени. Подразделения Центра попрежнему осуществляют прием, обработку и распространение информации со спутников системы «Метеор».

Однако научные, технические и организационные возможности системы сегодня значительно выросли. Совершенствуются методы наблюдений со спутников, расширяется состав их бортовой аппаратуры. Наблюдения земной поверхности из космоса представляют сейчас все больший интерес для многих отраслей народного хозяйства, помимо гидрометслужбы. В результате всего этого родился наш Центр изучения природных ресурсов.

Хочется подчеркнуть два важных момента. Во-первых, Центр работает в основном для практических нужд народного хозяйства, то есть является своеобразным производственным предприятием, которое трудится частично в космосе, частично на Земле. Во-вторых, в основе нашей работы по-прежнему находится система автоматических спутников «Метеор».

Что же касается наших «клиентов», то число их постоянно, я бы сказал, «катастрофически» растет. Предложение не поспевает за спросом. Космос, оказывается, нужен всем.

— Не могли бы вы привести примеры, назвать ваших «клиентов»?

— Материалы спутниковых наблюдений земной поверхности, получаемые в виде телефотоизображений, нашли применение в сельском и лесном хозяйстве, океанографии и рыбном промысле, гидрологии и водном хозяйстве, геологии и разведке полезных ископаемых и других отраслях народного хозяйства.

Теленснимки из космоса помогают изучать ледовую обстановку на морях и океанах, крупных озерах и реках, динамику таяния снегов. Они позволили оценивать состояние сельскохозяйственных культур, обнаруживать очаги лесных пожаров, следить за ними. На снимках видны мелководья, речные наносы, пыльные бури...

Геологи получили возможность выявлять и уточнять структурно-тектонические элементы земной коры. Известно, что места пересечений глубинных разломов обычно являются зонами, богатыми полезными ископаемыми. Однако обычными геологическими методами проследить разломы земной коры, зачастую обильно «припудренные» осадочными породами, крайне трудно. Спутник видит всю сетку «морщин» на лице планеты.

Спутниковая информация требуется многим нашим отраслям народного хозяйства и уже сегодня приносит реальную выгоду.

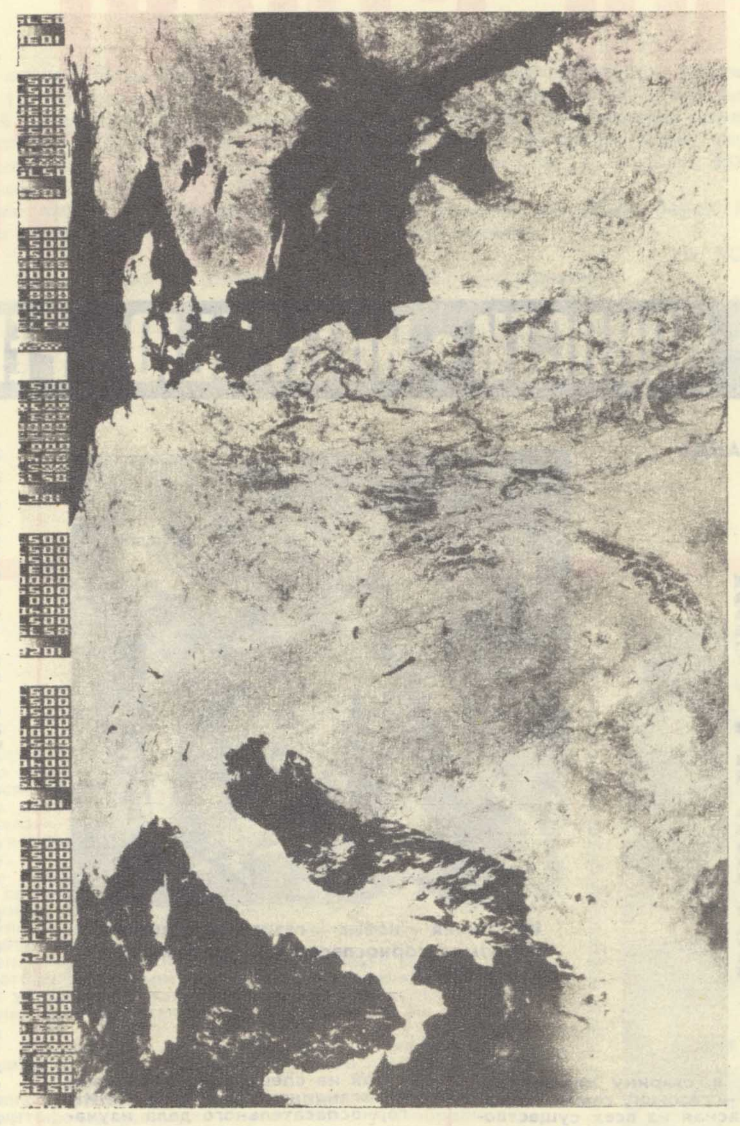
— Чем вы это объясняете?

— Одной важной особенностью принципа «вижу Землю» из космоса, охватом больших территорий, включая труднодоступные районы и акватории Мирового океана. Современный человек в подавляющем большинстве сфер своей деятельности трудится в глобальных масштабах. Если строит каналы, то на сотни километров, если прокладывает Северный морской путь, то на половину северной оконечности наших материков, если сеет хлеба, то на миллионы и миллионы гектаров и так далее. И вот для того, чтобы следить за результатами деятельности, почти всегда важно бросить общий взгляд на дело рук своих. И потому такой хороший метод, как спутниковые наблюдения, был немедленно оценен и моряками, и строителями, и лесниками, и полеводами, и геологами.

Важным преимуществом космических средств получения информации является также их оперативность.

Сейчас мы улучшаем качество работы всей системы «Метеор»— технику, методику, организацию, ищем и находим пути к получению новой информации.

Ведем мы и научно-исследовательские работы. В прошлом году начаты испытания усовершенствованной системы метеорологических спутников «Метеор-2».

Телевизионное изображение облачности и земной поверхности, полученное 1 июля 1976 года в 11 часов московского времени со спутника «Метеор».

Видно побережье Западной и Восточной Европы. Особенно отчетливо на снимке просматривается южная часть Италии с примыкающими к ней островами (Сардиния, Корсика, Сицилия). Видна гидрография крупных рек, таких, как Днепр, Висла, Эльба. В правой части снимка по центру кадра в виде темной, выпуклой, довольно широкой полосы тянутся Карпаты, покрытые лесными массивами.

Европейская территория СССР (кроме Украины) закрыта облачностью, связанной с периферией холодного фронта.

— Какое место занимает Центр изучения природных ресурсов в ряду разнообразнейших интересов человека в космосе?

— Я бы сказал, что это новый важный этап в освоении космического пространства.

Наши «Салюты» ведут огромную и разнообразную исследовательскую работу. Они работают на науку, на будущее. Мы давно, еще писателями-фантастами приучены считать, что космос — дело будущего, но на самом деле космос уже давно стал верой и правдой служить народному хозяйству, «давать прибыль».

Еще десять лет назад американцы попытались посчитать прибыль мировому хозяйству от спутниковой метеорологии. Они называли тогда цифру в пятнадцать миллиардов долларов в год.

В космос выходят практики, космос начинает работать на хозяйственные нужды людей— вот основной смысл и значение нашего Центра.

Если говорить образно и весьма упрощенно, то экипажи орбитальных станций — это космические разведчики, первопроходцы, а мы рабочие космоса.

У ЗЕМЛЮ

ПО СТРАНЕ СОВЕТСКОЙ

НОВОСТИ • ИНТЕРВЬЮ • РЕПОРТАЖ

КАРАГАНДА

ВЫЗЫВАЕМ ВЗРЫВ НА СЕБЯ

Испытания новых газотеплозащитных костюмов горноспасателей, разработанных ВНИИГД.

Была в старину такая профессия — газожог, самая, пожалуй, опасная из всех существовавших на земле. Перед началом работы в шахту спускался человек, закутанный с ног до головы в доху, насквозь промоченную водой. Он должен был сжечь скопившийся под землей метан — газ, взрыв которого несет шахтерам смерть и увечья. Ползком пробирался газожог по опустевшим выработкам, держа в руках факел. В местах скопления метана раздавался взрыв... Рабочая смена начиналась лишь после того, как возвращался газожог.

Взрыв в шахтах проводят и сегодня, но только совсем иначе.

Звучит сирена — всем уйти из опасной зоны. Проверены датчики и каналы телеметрии. Включены многоканальные осциллографы. Подается команда: «Зажигание!» Через мгновение под ногами вздрагивает земля.

Так на специальном полигоне карагандинского отдела ВНИИ горноспасательного дела изучают природу подземного взрыва, его взаимодействие с различными преградами, методы его локализации.

Вместе с заведующим отделом кандидатом технических наук Александром Михайловичем Чеховских мы идем вдоль длинной трубы диаметром в человеческий рост.

— Там, внутри этой «пушки», через каждые десять метров расставлены чувствительные датчики,— говорит Александр Михайлович. — Они фиксируют давление, температуру и скорость ударной волны. С помощью такого в общем-то несложного устройства мы изучаем условия предотвращения взрыва.

Вот возник в шахте пожар. Что надо делать, чтобы не произошел взрыв? Это зависит от конкретной ситуации. Или увеличить подачу воздуха в забой, или, наоборот, уменьшить. Или, может быть, внести специальные химические соединения — флегматизаторы, исключающие взрыв. Но какие лучше? Их ведь множество. А если взрыв все-таки произошел? Как надежнее защитить от него людей? Какие преграды поставить на его пути?

На все эти вопросы и отвечают ученые. Многое из того, что предложено ими, с успехом применяется сегодня на шахтах страны. Например, метод последовательного гашения детонационного газовоздушного взрыва, новые конструкции взрывогасящих перемычек, которые выдерживают действие ударной волны метано-воздушного взрыва любой силы. Или новый способ дистанционного тушения пожара с помощью инертных газов.

Настоящим кодексом стала для горноспасателей разработанная в отделе методика выбора безопасных мест ведения спасательных работ при угрозе взрыва.

Мы в кабинете Чеховских. Александр Михайлович достает небольшую серую книжечку.

— Это устав горноспасателей. Раньше, можно сказать, его писали кровью: ведь научного обоснования методов ведения спасательных работ не было. Теперь заполнять недостающие главы этой книги помогает наука. Нетрудно представить себе нашу гордость, когда с помощью наших исследований в эту книгу вписывается хотя бы одна строчка.

Александр Михайлович рассказывает об одной из последних работ отдела:

— Впервые нами обнаружено существование устойчивых потоков газа в непроветриваемых тупиковых выработках. Эти потоки возникают сами по себе — без вентиляторов и перепадов температур, за счет выделяющегося в выработку метана. Сейчас мы проводим серию опытов, которые помогут подробнее изучить это явление и использовать его при тушении пожаров в тупиковых выработках.

Сергей ВЛАСОВ

ЛАЗЕР ВМЕСТО СКАЛЬПЕЛЯ

НОВОСИБИРСК

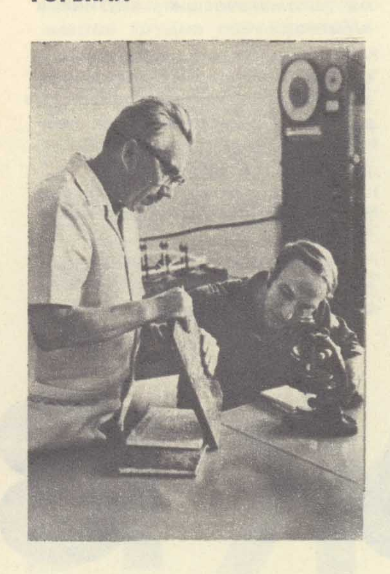
Недавно в Новосибирске, в Институте клинической и экспериментальной медицины Сибирского филиала АМН, открыли лазерный центр — первый в Сибири. Это событие комментирует академик Влаиль Петрович Казначеев, председатель Сибирского филиала Академии медицинских наук.

— Открытия лаборатории лазерной терапии — именно так официально называется лазерный центр — ждали с нетерпением не только сибирские ученые, медики и хирурги, но и те инженеры и конструкторы, которые спроектировали и изготовили все оборудование. Здесь мощный световой луч заменит в руках хирурга традиционный скальпель. Причем «лазерный скальпель» имеет ряд преимуществ и при некоторых операциях предупреждает кровотечения. Световой импульс, возникая и концентрируясь в оптических квантовых генераторах, проникает по системе световодов в операционную, где над обычным операционным столом вместо ярких светильников скромный с виду, но магический по действию лазер.

В будущем мы собираемся применять лазеры не только в хирургии, но и терапии. Лазерная техника поможет людям, которых другими методами лечить трудно.

Ю. ЛУШИН
Фото автора.

ГОРЬКИЙ

БУДЕТ МЕТРО!

СТРОИТСЯ МОРЕ

УЗБЕКИСТАН — КИРГИЗИЯ

В отрогах Тянь-Шаня создается Андижанское водохранилище. Плотина высотой 115 метров и длиною в километр образует в ущелье чашу для бурных вод горной Карадарьи. На семь тысяч гектаров раскинется рукотворное море.

Что это даст сельскому хозяйству! Вот несколько цифр. Будет улучшено водоснабжение 416 тысяч гектаров старопахотных земель, из которых 257 тысяч гектаров в Узбекистане и 159 тысяч в Киргизии.

Уже перекрыта Карадарья, и строители перешли на левый берег. Первые секции плотины достигли шестидесятиметровой отметки.

В. КОСТЫРЯ

На снимке: строится плотина Андижанского водохранилища.

Фото В. Сваричевского.

МОСКВА

МЕЛОДИИ КВАДРО

Шагнул через порог и словно нырнул... в музыку. Такой сочный и плотный звук, что показалось: протяну руку и дотронусь до него.

В мелодию вплелся чей-то голос.

— Сделайте еще несколько шагов. Квадрофония лучше воспринимается в центре зала.

Я шагнул и почувствовал, как волны музыки накатываются отовсюду, обволакивают.

— Не отовсюду,— уточняет один из инженеров,— а из углов комнаты. Акустическая система так и называется — «квадро», то есть она имеет четыре динамика, которые устанавливаются в углах помещения. Все эти особенности позволяют получить эффект не стереофонического, а более объемного звучания.

...Во многих странах среди любителей музыки идут споры, привьется ли новая система звукозаписи и ее сверхобъемного воспроизведения. Но чтобы убедиться в преимуществах и недостатках квадрофонической музыки, ее надо послушать. А послушав, вы, видимо, скажете: привьется!

Первые системы для записи и воспроизведения квадромузыки уже созданы. В их ряду и весьма удачная установка «Маяк-004-квадро».

Из конструкторских бюро и цехов вышли и другие разработки — кассетные видеомагнитофоны цветного и черно-белого изображения, новые радиоприемники, телевизоры. Многие из этих новинок показывали на «звучащей» выставке «Промсвязь-76». Здесь демонстрировались только те изделия, которые уже выпускаются серийно или подготовлены к производству.

К. КОСТИН

В одном из залов павильона «Радиоэлектроника».

Наш город — один из крупнейших в стране. Население его давно перевалило за миллион. Метро стало для нас насущной потребностью, и мы, горьковчане, с огромной радостью встретили весть о начале работ, связанных с его сооружением.

Участок первой очереди, протяженностью в 9,6 километра, соединит Московский железнодорожный вокзал с автозаводом. Здесь предусмотрено восемь станций. Это будет линия мелкого заложения. Строить ее придется в тяжелых условиях: после заполнения Чебоксарского водохранилища очень высоко поднялись грунтовые воды.

Ученые ведут поиски местных облицовочных и строительных материалов. В нашей области много гипсов. С помощью термической обработки из них можно получить искусственный мрамор. Отделку одной из станций предполагается выполнить из стекла.

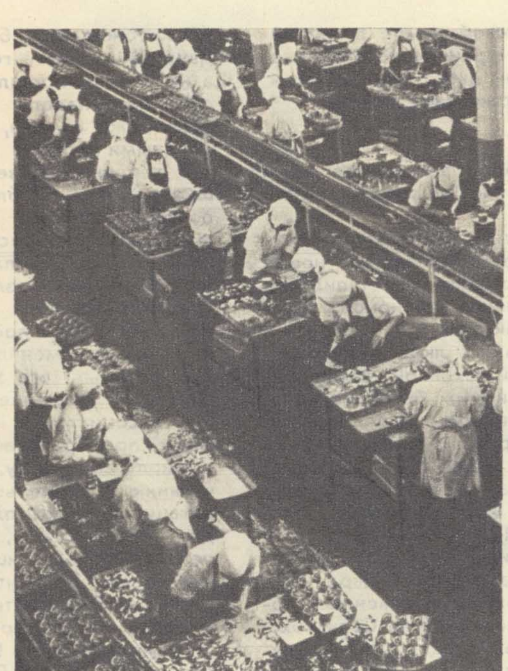
В. ЛЕБЕДЕВ,
заместитель начальника управления капитального строительства Горьковского горисполкома по Метрополитену

На снимке: заведующий кафедрой строительных материалов Горьковского инженерно-строительного института доцент Г. Л. Баженов и инженер А. П. Панкрушин исследуют облицовочную плитку для станций Горьковского метро.

Фото В. Бородина.

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

НОЧИ НА КУРИЛАХ

Готовятся консервы из сайры.

Фото В. Кузнецова.

Консервы из сайры пользуются большим спросом у покупателей. Но мало кому известно, что сайра ловится только ночью с помощью электрического света. Хорошо ловится она на Курилах. На три месяца они становятся центром путины. Сюда стягиваются добывающие и обрабатывающие суда — с Камчатки, из Магадана, Приморья, Сахалина. На рыбоконсервные заводы «Островной» и «Крабозаводский» приезжают тысячи людей, а один из заводов полностью отдается студентам — здесь работают бойцы стройотряда «Голубой меридиан».

— Чем же примечательна путина этого года?

С таким вопросом обратился к ЗАМЕСТИТЕЛЮ НАЧАЛЬНИКА ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ «ДАЛЬРЫБА» Г. П. ЛЮБЯКИНУ корреспондент «Огонька» Владимир Кузнецов.

— Тем, что это первая путина десятой пятилетки,— отвечает Геннадий Павлович, — пятилетки, в которой предстоит увеличить выпуск товарной рыбной продукции на тридцать — тридцать два процента. Тихоокеанский бассейн — один из главных поставщиков даров океана.

— А не подрывает ли добыча рыбные запасы?

— Ни в коей мере! За шестнадцать лет работы на промысле сайры наши рыбаки научились не только добывать, но и бережно сохранять ее. Нынешняя путина должна дать стране около двухсот миллионов банок этой вкусной рыбы.

Л. ДЕРБУШЕВА

Фото С. Ракушева

«МУЖЕСТВО»

Ташкент утопал в яркой весенней зелени, в его кинотеатрах и Дворцах культуры празднично шел IV международный кинофестиваль стран Азии, Африки и Латинской Америки, когда в столице Узбекистана состоялось торжественное открытие монумента «Мужество» и Музея дружбы народов СССР.

Одновременность этих событий не случайна. Ташкент давно и заслуженно снискал славу города интернационального братства. В дни Великой Отечественной войны миллионы обездоленных семей нашли приют на его земле. День и ночь к ташкентскому вокзалу подходили эшелоны с детьми, десятки узбекских семей воспитывали детей разных национальностей. С полным правом Ташкент называют и городом мужества. Десять лет назад, когда город был разрушен землетрясением, тот же вокзал принимал эшелоны добровольцев и срочные грузы для спасения жителей. Мужество и единство людей победили стихию, был построен новый прекрасный, цветущий город. Все это и вдохновило творческий коллектив во главе с народным художником Узбекской ССР, заслуженным художником РСФСР скульптором Д. Рябичевым и заслуженным строителем Узбекской ССР архитектором С. Адыловым на создание монументально-скульптурного комплекса, вставшего в эпицентре землетрясения.

С холма, на котором возвышается монумент, открывается панорама нового города. У края площадки, выложенной брусчаткой и гранитом,— каменный куб, на одной из его граней дата: 26 апреля 1966 года. На другой — остановившееся время: 5 часов 23 минуты, начало землетрясения.

От каменного куба змеится трещина, выложенная черным гранитом. Ее путь преграждает красный монолит, глыба земли застыла у подножия постамента, на котором две фигуры — мужчина-богатырь и женщина с ребенком. Мощная фигура мужчины, его сильные руки — надежная защита, он заслоняет собою женщину. В решительном наклоне головы, в динамичной позе — вперед, навстречу опасности — упорство, мужество узбекского народа. Женщина защищает дитя, готовая оттолкнуть от него любую опасность.

От центральных фигур расходятся гранитные лучи-дорожки. Бронзовая лента — летопись тех дней опоясывает стелы, на которых гербы союзных республик. Все советские народы заново строили Ташкент.

На островке, омываемом каналом Бозсу, возвышается кольцеобразной формы здание, украшенное узбекским орнаментом. Это Музей дружбы народов СССР. В документах его экспозиции мгновения далеких и недавних событий. И как пролог к каждому эпизоду этой панорамы — ленинские Декреты о мире, о земле, обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» — документы, являющиеся основой великой и нерушимой дружбы народов-братьев.

— Мне довелось встретиться с сотнями очевидцев трагических дней 1966 года,— рассказывает скульптор Д. Рябичев, давно связавший свое творчество с Узбекистаном.— И каждый помогал нам воссоздать образы героев-ташкентцев. Нам хотелось передать волю, упорство людей, и главное — их интернационализм.

В творческом коллективе, создавшем этот комплекс, оказались люди разных национальностей: архитекторы В. Ганиев, В. Попов, Ф. Турсунов, скульптор В. Циммерлинг, строители Н. Зисман, Ш. Исламов, Г. Саркисов. Бронзовые скульптуры для монумента «Мужество» изготовлены на Мытищинском заводе художественного литья и ленинградском заводе «Монументскульптура». Красный гранит доставлен с Украины.

Символом социалистического братства станет отныне монумент «Мужество».

БЭРЭГАНСКАЯ НОВЬ

В тридцать второй раз отмечается на румынской земле памятная годовщина — 23 августа, день, который принес стране освобождение от фашистского ига и позволил ей стать на новый путь, путь социалистического развития под руководством коммунистической партии.

Цифра «32» сегодня символична — во столько раз вырос за годы народной власти объем промышленного производства.

Много глубоких перемен в жизни современной Румынии. Я расскажу о преобразованиях в Бэрэганской степи, где освоено 400 тысяч гектаров земли, где воды Дуная работают на урожай, на социализм.

Лет десять назад в бэрэганском пейзаже стали появляться новые черты. В стране приступили к осуществлению обширной программы ирригационных работ. В степи появились люди, вооруженные мощной техникой: землеройными машинами, бетоноукладчиками, скреперами. Появилась густая сеть ирригационных каналов, насосные станции. Сегодня только основные каналы в уездах Брэила, Яломица и Илфов тянутся больше чем на 1200 километров.

Кооперация и ирригация — вот ключ успеха, вот благодаря чему коренным образом изменился облик Бэрэганской степи. Сельскохозяйственные предприятия, получая из года в год высокие урожаи, стали крепкими, хорошо развитыми. По предварительным подсчетам, в этом году урожай зерновых ожидается более тридцати двух центнеров с гектара. А ведь в недалеком прошлом крестьянин со своего надела не возвращал себе даже семена, до того были скудными урожаи.

В деревнях развернулись большие работы по благоустройству: построены школы, больницы, новые животноводческие и производственные комплексы, открылись большие возможности для создания хорошей сырьевой базы консервной промышленности. И, конечно, изменились люди, трудом которых все это достигнуто.

Когда в Бэрэгане начались глубокие социальные и экономические преобразования, инженер Корнел Теодореску, нынешний начальник строительства гидроирригационного комплекса в Джурджу — Размирешть, как и все деревенские мальчишки, бегал за чудо-машинами, что пришли в степь, пробивая путь воде. Может, именно тогда и решил Корнел стать ирригатором. Во всяком случае, он им стал. Примерно так сложилась и судьба его сверстников.

Сегодня только один строительный трест за год готовит до 700 рабочих нужных ему профессий. И не только для себя, но и для других организаций.

С каждым днем все дальше и дальше проникают в степь люди, а за ними появляются новые артерии, по которым поступает живительная вода — источник обновления края.

И еще одна деталь, о которой румынские друзья просили обязательно написать.

Весной этого года на ирригационных сооружениях в Бэрэганской степи побывала группа советских специалистов из числа тех, кто помогал румынским товарищам осваивать советскую технику, в частности оборудование насосных станций, поливных установок.

«Претензий нет, техника работает безотказно» — к такому выводу пришли и хозяева и гости.

Е. РОМАНЧУК, корреспондент АПН в Бухаресте

На снимке: один из молодых кварталов Бухареста.

Фото ТАСС.

Оноре Фрагонар. 1732—1806. ДАМА С СОБАЧКОЙ. Между 1767—1770. Музей Метрополитен, Нью-Йорк.

Гюстав Курбе. 1819—1877. ПОРТРЕТ ДЖО (ПРЕКРАСНАЯ ИРЛАНДКА). 1866.

Музей Метрополитен. Нью-Йорк.

С. КАЛИНИЧЕВ

Твой современник

ВЕРА КОЛОМИЕЦ: ЗАБОТЫ И РАДОСТИ

У проходной на фанерном щите висел большой, наскоро написанный плакат: «От души поздравляем Веру Васильевну Коломиец с присуждением ей за выдающиеся успехи в труде Государственной премии СССР!».

Вера Васильевна скользнула взглядом по плакату и, чуть наклонив голову, пошла в контору...

Директор комбината Леонид Николаевич Кузьмин начал нашу беседу не с производства, а с заводской теплицы, дающей круглый год цеховым столовым свежие овощи, рассказал о бытовках, о магазинах кулинарии и детских садах.

...А потом мы ходили с Леонидом Николаевичем по комбинату. Он с гордостью показывал новые машины льночесального, прядильного, ткацкого и отделочного производств.

В цехе, где упаковывалась готовая продукция, на столах и тележках громоздились белоснежные, с цветными каймами простыни, полотенца, шелковистые скатерти и покрывала, мягкий брезент для шахтерских спецовок и нежнейших расцветок плательные ткани типа кримплена. И все это был лен.

Мне не терпелось попасть на участок мешковины, где работает Вера Васильевна Коломиец.

Вера Васильевна, в голубом, как у всех, платье, размеренно двигалась между станками. Иногда она останавливалась, наклонялась через грудницу (так называют ткачихи лобовую часть станка), заводила оборванную нить. Все это делалось спокойно, скупыми движениями.

Мы познакомились. О себе Вера Васильевна рассказывает охотно, просто. Мягкая улыбка не сходит с ее лица.

— На льнокомбинат я попала в шестьдесят третьем. Он только вступал в строй, еще станки не все были установлены. Пришла я в ткацкий цех, увидала станки и сказала себе: «Никуда отсюда не уйду!» Так мне они понравились.

Совсем не просто было укомплектовать многотысячный коллектив комбината. Учились на ходу. Это сейчас девчата три года занимаются в техучилище. А ей пришлось уже через две недели принимать группу станков. И помогали ей те, у кого опыт был лишь на один-два месяца больше.

Со временем она стала опытной ткачихой. Ее хвалили, отмечали в приказах.

Между тем на комбинате набирало силу соревнование за расширение зон обслуживания. На участке, где работала Коломиец, ткали шахтерский спецовочный брезент. В зону одной ткачихи по норме входило четыре станка. Вера Васильевна пришла к цеховому начальству и сказала: «Хочу работать на шести станках».

За ней закрепили шесть. Когда освоилась, попросила добавить еще два. Конечно, первой в цехе решиться на такой шаг было не просто.

Она выработала самый короткий и удобный маршрут. Научилась в считанные секунды, почти автоматически заводить оборванную нить, одним движением пускать станок. Невольно начала чуть выше держать голову, чтобы в поле зрения были все восемь станков. При такой работе стали особенно заметны помехи, возникавшие не по вине ткачихи. Пришлось подтягиваться и другим службам, отвечающим за ремонт оборудования, качество пряжи, за подготовку основы. Один из важнейших результатов социалистического соревнования — убедительность примера. Изо дня в день Вера Васильевна работала на восьми таких же, как и у подруг, станках.

Работает она так год, полтора... Постепенно и другие ткачихи почувствовали, что нормы устарели, и с общего согласия типовая зона была увеличена с четырех станков до шести. На нее перешли все.

Как-то Коломиец послали на Ровенский льнокомбинат, где проводился День новатора. Там собрались текстильщицы со всей республики. Каждая показывала, на что способна. Сравнивали, хронометрировали, ревниво оценивали качество работы. Ну и, конечно, учились одна у другой.

«Теперь уже я и с лучшей ткачихой комбината, с Екатериной Болошкевич, смогу посоревноваться»,— думала Вера Васильевна, возвращаясь домой.

Но когда пришла на комбинат, увидела над проходной огромный плакат: «Пламенный привет передовой ткачихе Анне Героновне Глущак, которая первой на комбинате выполнила свое личное пятилетнее задание!».

После Глущак свою пятилетку выполнила Галина Гавриловна Бедарева. Следующей была Болошкевич. Коломиец стала четвертой. Произошло это 30 октября 1973 года.

Для Веры Васильевны особенно важным было то, что она вплотную приблизилась к результатам самой опытной, самой уважаемой ткачихи комбината.

Теперь Вера Васильевна пришла к начальнику цеха с просьбой прибавить к ее восьми станкам еще десять! Тут уж и видавшее виды начальство заколебалось: не пострадает ли авторитет одной из лучших работниц? Ведь если не управится — конфуз. Но Вера Васильевна доказала, что решение это продуманное.

На ее работу приходили смотреть с других участков, из других цехов. Проверяли качество ткани — не придерешься! Подмечали ее приемы, скупые и точные движения. А она день за днем все шагала и шагала от станка к станку. И 23 ноября 1974 года первой не только на комбинате, но и в отрасли соткала последние метры в счет своего второго пятилетнего задания. И если за первое Вера Васильевна дала 182 тысячи погонных метров ткани, то за второе — 293 тысячи метров!

В телеграмме министра легкой промышленности СССР, присланной на ее имя, говорилось, что она занесена в Книгу трудовой славы «...за достижение наивысших показателей в отрасли по производительности труда и выпуску продукции отличного качества».

На комбинате был митинг. Ее поздравляли, приветствовали, говорили о силе положительного примера. Самым большим сюрпризом стало выступление председателя горисполкома. От имени городского Совета под гром аплодисментов он вручил ей ключи от новой двухкомнатной квартиры.

— После того митинга,— вспоминает Вера Васильевна,— стала я думать, чем еще могу послужить своему комбинату. На участке брезента работа уже шла как часы — приемы труда проверены, отлажены, да и заработки хорошие. В общем, думаю, управятся и без меня. А вот участок мешковины у нас отставал безнадежно — план выполнялся процентов на шестьдесят, а то и еще меньше. Ни постоянных ткачих, ни поммастеров там не было. Посылали туда на месяц нарушителей трудовой дисциплины. Девчонки из техучилища приходили на этот участок с твердым намерением сбежать при первом же удобном случае. Обидно мне стало. Я ведь когда-то здесь начинала свой путь ткачихи. Правда, за двенадцать лет станочки-то поизносились... Но пока они стоят, план давать надо. Без мешков-то и сахарные заводы станут и ни муку, ни крупу далеко не повезешь. Несколько лет назад на такие мешки валюту тратили, за границей их миллионами покупали... В общем, пошла я на этот участок.

Но ни разболтанные станки, ни отсутствие помместера так меня не расстроили, как те ткачихи, которые тогда у станков числились... Кто я им? Ни бригадир, ни мастер. У каждой своя зона обслуживания, свой план. И что такое наставник? Нет такой должности в штатном расписании, как нет должности старшего товарища...

Девчонки-ткачихи, вчерашние выпускницы техучилища, в ответ на ее хлопоты только пожимали плечами:

— А мы тут временно. Какая дура будет сидеть на мешке, если во всех других цехах люди нужны и заработки лучше!

Людей действительно не хватало. Средний возраст семитысячного коллектива — двадцать один год. А это значит, что за двенадцать лет жизни комбината далеко не большая часть поступивших осталась в семье кадровых работниц.

Веру Васильевну, которой сейчас тридцать один год, девчонки называли «бабулей».

— Ну чего ты так волнуешься, бабуля? — спрашивала Люда Степова.— Из меня ведь все равно Коломиец не выйдет.

Год назад Люде едва исполнилось восемнадцать. Можно ли было на нее обижаться?

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО

Тане Ивановой и восемнадцати не было. Она работала зарядчицей. Дело спокойное: зарядила на станок катушку с основой — и хоть трава не расти. Есть план, нет плана — свои сто рублей получит.

— Таня, иди в ткачихи, станки ведь простаивают! Зарядчицей-то и пенсионерка сможет, а ты ведь девчонка еще, профессия же тебе нужна на всю жизнь.

Таня спокойно все выслушивала и молчала. А в глазах ничего, кроме скуки. Вера Васильевна приходила в отчаяние и, стыдясь того, что суточный план участка горел синим пламенем, и на вторую смену оставалась и потом часто сюда заглядывала. Она не ругала девчонок. Она пыталась их понять. И всегда просила:

— Девочки, миленькие, вы только брак не делайте. Что случилось — позовите меня, я помогу. Мастерство, скорость — все придет, лишь добросовестность не теряйте.

Сама она взяла двенадцать станков вместо шести по норме. А ведь тогда здесь и на шести-то никто не справлялся с планом. Ей же, помимо всего прочего, то и дело приходилось заглядывать в зоны своих подопечных. Но поворота к лучшему все не было...

Тогда пошла она в общежитие к девчонкам — раз, второй, третий... Пыталась понять, какими они живут интересами. Приглашала их на праздники к себе домой. А побывала в Москве на совещании передовиков пятилетки —

всем сувениры привезла. Словом, полюбила Вера Васильевна своих девчат по-матерински, а те это сразу почувствовали и поняли, что не по производственной необходимости воспитывает их она, а просто переживает за каждую, печется об их судьбах и хочет научить за скучной мешковиной видеть русые косы льна и чувствовать запах живого поля.

Тогда-то и наметился сдвиг. Молодые ткачихи стали проявлять беспокойство, если что-либо получалось не так: станок ли забарахлит, пряжу ли дадут не вовремя... А через несколько месяцев и постоянный помощник мастера появился — Борис Журавлев. Добросовестнейший работник: старенькие станки вроде бы даже помолодели под его присмотром.

И стал участок план выполнять...

Но тут одна из девчат взяла и ушла с комбината совсем. Вера Васильевна переживала это как свой провал. А потом собрала подопечных посоветоваться: что делать?

И вот они сидят перед нею: Таня Иванова (все-таки перешла из зарядчиц в ткачихи), Люда Степова, Лина Скиданчук. «Отличные девчата,— думает Вера Васильевна.— Станут они первоклассными мастерицами». Девчонки же словно в душу к ней заглянули, мысли прочитали: решили нового человека не брать, а оставшиеся станки разделить между собой.

Это был ее первый праздник с тех пор, как она пришла «на мешки». Потом заботы все чаще стали перемежаться маленькими и большими радостями. С сентября все пошли учиться в вечернюю школу. (Между прочим, Вера Васильевна, приведя из школы сына и накормив его, сама тоже спешит за парту — она учится в девятом классе.)

...На комбинате уже давно забыли тот день, когда на очередной планерке впервые не было сказано ни одного худого слова об участке мешковины. К его стабильной работе стали привыкать.

Приближались октябрьские праздники. Шестого ноября Вера Васильевна возилась на кухне — пекла пироги. И тут раздался телефонный звонок.

— Володя, послушай, а то у меня руки в муке!— крикнула она мужу.

Тот подошел к телефону.

— Тебя спрашивают. Из Москвы кто-то...

Вера Васильевна двумя пальцами взяла трубку.

— Что? Правда? Спасибо, спасибо! А что я должна делать?

Она положила трубку и сказала растерянно:

— Поздравляют. Говорят, что мне присудили Государственную премию...

На следующий день в дом зачастил почтальон — все нес и нес поздравительные телеграммы. Приходили знакомые. И все, словно сговорившись, приносили газету, где в официальном сообщении о присуждении Государственных премий СССР 1975 года была подчеркнута ее фамилия. Вере Васильевне Коломиец Государственная премия была присуждена «за выдающиеся достижения в труде на основе увеличения зон обслуживания, совмещения профессий и инициативу в развертывании движения наставничества».

А десятого ноября состоялся митинг, где товарищи по работе сказали ей много хороших слов. Но раньше всех, еще у проходной, Веру Васильевну затискали ее девчонки.

— Они радовались, как дети,— рассказывает Вера Васильевна.— А дня через два Люда Степова подходит и говорит: «Между прочим, у меня сегодня выработка со станка больше, чем у вас!» Она смеется, а я на нее смотрю и тоже смеюсь. Я ведь всегда верила, что из этих девчонок вырастут настоящие ткачихи. И думаю, что скоро придет время, когда они во всем будут впереди. Это же и мне честь!

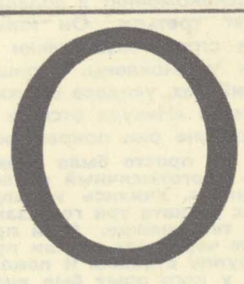
Житомир

Надежда КОЖЕВНИКОВА

РАССКАЗ

Рисунок А. ЛУРЬЕ.

Д

День начинался с «беломорины» в шесть утра. А в семь ноль-ноль он уже был в правлении колхоза «Селянцы», в своем кабинете с финской мебелью и круглой крашеной жестяной печкой-стояком, сидел, опершись локтями о край стола, будто большая нахохлившаяся птица. Павел Егорыч Медников. Сорок девять лет. Лобастая голова, глаза зеленоватые в глубоких глазницах, мясистый с вмятинкой подбородок. В пальцах дымится папироса — неизвестно уж какая по счету.

Выглядел Медников старше своих лет, облысел, огрузнел, но впечатление производил в целом представительное. Только вот мало кто знал, каков у Медникова характер, бешеный, взрывчатый, и как нелегко ему обуздывать себя. И сколько он сил на это тратит, чтобы казаться спокойным, сдержанным, когда все клокочет внутри и все — ну все буквально — принимаешь так близко к сердцу, и оно, это сердце, колотится, рвется в груди, а ты должен говорить ровным, терпеливым голосом:

— Хорошо, разберемся. Да, все вместе. Тогда и решим...

Потому что руководитель. И работаешь с людьми, а разными эти люди бывают. И нужно суметь представить себя в положении каждого, правого и неправого, сказать самому себе: «Это тоже ты...»

Бывают люди от природы спокойного, ровного склада, им не надо даже делать особых усилий, чтобы не сорваться, не вознегодовать. А бывают такие, словно порохом начиненные, и они либо попадают в полную зависимость от своего характера, либо решают вступить с ним в борьбу.

А ведь как много вокруг раздражителей, поводов для дурного настроения, расстройства! Вот даже с самого утра...

...Проснулся, как обычно, без пятнадцати шесть. Не зажигая света, чтобы не разбудить жену (окна в комнате плотно зашторены), нашарил под кроватью ботинки, подхватил брюки, вышел в коридор, умылся, отпил молока из кувшина и только на улице с негодованием уставился на свои брюки: глина на обшлагах за ночь ссохлась и теперь крошилась серой пылью.

Черт!.. В темноте и не разобрал, что надевает. А ведь с вечера приготовил другие. После обеда собрался в «Красногорье» съездить, просить красногорского председателя помочь с доильными установками: ему достать проще, под боком молочный завод.

Председатель колхоза «Красногорье» Игорь Анатольевич Бондин, высокий блондин с тяжелой, наливающейся краснотой шеей и неожиданно высоким, даже писклявым голосом, обещал быть у себя в правлении в три часа.

Вспомнив нетерпеливые интонации в голосе Бондина и свой собственный нарочито бодрый, нарочито приятельский тон, Медников поморщился. Уже не в первый раз, общаясь с Бондиным, он замечал в себе какую-то неловкость, фальшь, в причины которых старался не вдумываться. Стыдно признаться, но он, кажется, перед Бондиным заискивал, а ведь этого с ним не случалось раньше никогда.

А тут соседи. Соревнуются. И помогают друг другу — должны, во всяком случае, помогать... Но «Красногорье» — показательное хозяйство. Поселок городского типа. Газ, горячая вода, все удобства... Медников, когда в Красногорье приезжал, надо признаться, завидовал. Но не личной завистью, а, так сказать, от лица своего колхоза. Он хотел, чтобы так жили и они, селянцы, чтобы и у них были такие же красивые, со всеми удобствами дома, и такое же прекрасное снабжение, и новая школа, и клуб. Наверно, так оно через несколько лет и будет, то есть он был уверен! Какие-то пять, десять лет... Но пока надо преодолеть сегодняшние трудности, а их немало. Сегодня закладывается то, что только завтра будет приносить плоды. К примеру, осушение болот. Это потребовало сейчас вложений, затрат, но год пройдет, и сторицей воздастся. Так же, как и идея с плоскодонными бочажками — превратить их в пруды, в водохранилище, так давно уже необходимое хозяйству,— и не будет больше страха перед засухой.

Но это все вклад в будущее, в завтра. А будущим результатом кто же станет хвастаться наперед? Нет, торопиться тут, ну даже из суеверия, не стоит. А вот в Красногорье и сейчас, сегодня полный порядок. Город близко, мясомолочный комбинат. Специализация у колхоза: скот, да птица, да парники — город ждет, благодарит, платит. И все довольны. И начальство районное особую заботу к «Красногорью» проявляет. И пусть... Селянцы тоже не сироты. Пусть «Красногорье» показательное, пусть туда важных гостей возят, а селянцы живут своей самостоятельной жизнью, и дело у них первейшей важности — хлеб.

«А доилки все же просить придется»,— подумал Медников и помрачнел. Неприятно ему было у Бондина одалживаться. Хотя, с другой стороны, не для себя же он просит, то есть не лично для себя...

А ничего денек начался! Медников брезгливо оглядел свои брюки, поморщился и зашагал к зданию правления, где на очередную планерку уже съезжались «Москвичи», грузовики, «газики», мотороллеры и мотоциклы. А чуть поодаль от них, отворотив морду от пыль-

ных капотов машин, стояла лошадь бригадира Боязникова — и так ей, видно, было скучно, так тоскливо.

На планерку в председательский кабинет народу набивалось! И все спешат, всем некогда, но и все высказаться хотят.

— Павел Егорыч, да как же с зеленкой-то для скота будет?!

— А вентиляторы когда поставят?

— С кукурузой плохо: ночи холодные...

А тут ворвется в кабинет тощий, загорелый дочерна парень:

— Павел Егорыч! Комбайн, что вчера спортившись был, уже косит!

— А как там у нас с сушильным хозяйством? — спросит Медников, вглядываясь и не находя механика Васюкова.— Васюков здесь?

— А что? — Безмятежно спокойный голос отзовется с ленцой откуда-то из угла кабинета.— На днях все крутиться будет...

А дальше...

— Павел Егорыч, с Семеновым вопрос решить надо. Он там в коридоре ждет.

Семенов... Стоит в центре комнаты перед председательским столом, мнет в руках кепку, всем видом своим выражая раскаяние, полное признание вины и в то же время упрямство, мучительное и для него самого и для окружающих.

— Ну что, значит, твердо решил уходить?

Торопливый кивок.

— А если к Смельянову на ферму?

Мотание головой, выражающее решительное отрицание.

— А грузчиком?

Опять нет.

— А свинарем?

Вскинутая гордо голова, оскорбленно поджатые губы. Откуда-то из самого нутра:

— Я механизатор!

— Так на трактор же тебе все равно не сесть. Либо кого задавишь, либо сам... Ты же, братец, по неделям не просыхаешь.

Ожил, запротестовал:

— Нет! Чессс... слово! Уже три недели ни грамма! Даже на свадьбе у племянницы и то...— Скорбно, с надрывом: — Чессс... слово, не буду!

— Может, плотником пока пойдешь?

— А что? — Воспрянул, блеснул глазами.— Все ж мужское дело. А Василий-то ваш, бригадир, в собственном доме ремонт не мог наладить, со стороны приглашал. То-оже плотник! А я крышу себе к сараю подвел, так люди смотреть приходили...— Подумав: — Плотником могу.

— Ну, хорошо. Значит, завтра выходишь на работу.

...Председатель Павел Егорыч Медников вздохнул. Прямо скажем, компромиссное решение. Ведь ясно, через недельку, другую снова Семенов явится, опять где-нибудь набедокурит. А просто так ведь не выставишь. Получается, одной рукой пьяниц сечем, другой поглаживаем — а что делать?..

— ...Павел Егорыч! Ну и как будет с нашим жильем?

Немолодая приземистая женщина стояла перед ним, требовательно глядела в глаза.

Медников снова закурил папиросу:

— Так, Анна Яковлевна... С квартирой, к сожалению, придется подождать...

Она коротко, тяжко вздохнула, и по выражению ее лица он понял, что она и не ждала другого ответа. И не потому, что не имела права надеяться, напротив, у нее были самые что ни на есть законные права. Но за свою жизнь эта женщина уже столько раз обманывалась в своих ожиданиях, что, казалось, не делалось ей теперь ни больно, ни горько,— вздыхала коротко и, не оглядываясь, уходила...

Он чувствовал себя перед ней виноватым. Странно, но годы в этом смысле не закалили его, он так и не научился отказывать людям в просьбах спокойно, с сознанием своей правоты, как это умели делать иные опытные начальники.

Да, понимая отлично, что иначе ему поступать нельзя,— просто-таки невозможно! — он все же каждый раз воспринимал вынужденный свой отказ с беспокойством и неловкостью перед теми, кто просил, и они, разумеется, это чувствовали. Отказывая, он как бы признавался в личной своей несостоятельности. Но его природная щедрость вступала в противоборство с реальными жизненными условиями и иной раз, несмотря ни на что, побеждала. Хотя однажды ему пришлось за это дорого заплатить, и он мог бы ожесточиться, но тут уж на кого как действует жизнь...

...Случилось это давно, больше двадцати лет назад, а казалось, только-только.

Медников тогда работал начальником железнодорожной станции. Станция у него была внеклассная, то есть с самым большим объемом работ. Он закончил техникум, но решил учиться дальше, чтобы глубже, шире вникнуть в свое дело: движение его увлекло. И вот в тот момент, когда должен был прийти ему вызов из инженерно-транспортного института, по решению райкома партии он был направлен на работу в колхоз.

Хозяйство оказалось очень бедным, из отстающих. На правлении решали, покупать или не покупать председателю велосипед.

Но кое-как все-таки выкарабкивались. И, если вспомнить,— первые, постороннему глазу, верно, и неприметные успехи особенно радовали, оказались дороже, важнее многих последующих крупных побед.

Тут и случилось, что у бригадира трактористов, молодого и уже многодетного парня, сгорел во время грозы дом. Все, конечно, сочувствовали, жалели, но когда Медников на правлении предложил построить новый дом для бригадира на колхозные средства, поддержки он не встретил. Материальная база колхоза была еще очень непрочна, считали некоторые, и не ко времени делать такие подарки. Помочь надо, грех погорельцам не помочь — кто чем может. А чтобы сразу такой куш отваливать — нет, это, пожалуй, слишком.

Тем не менее Медников настоял на своем, и через некоторое время бригадир с семьей въехал в новое жилище.

После того собрания почувствовал Медников что-то неладное в самой атмосфере, какую-то к себе вражду, тайную, скрытую, потому и трудно было, от кого она исходит, догадаться. Возможно, на том заседании он, отстаивая свою точку зрения, чересчур негодовал, чересчур резко нападал на своих противников, недостаточно дипломатично повел себя и вот кого-то обозлил, восстановил против.

И пришло в райком партии письмо о злоупотреблении властью, колхозными средствами. А как подтверждение — история с домом для бригадира. Мол, получил председатель Медников взятку, потому и оказался таким добреньким — за государственный-то счет.

И началось расследование, комиссии... Оказалось, и то Медников делал не так и это не эдак. Самовольничал много. Многое, никого не спросясь, сам решал. И если честно, да, бывало... Но где ему было взять советчиков? И опыта не было, да и вообще он на эту работу не рвался, иначе совсем свое будущее представлял...

Об этом он, естественно, никому говорить не стал. Да и самого не утешали подобные доводы. Он ждал бюро райкома: что там?

...Он не помнит, а может, просто не хочет вспоминать всю последовательность событий того дня, когда состоялось в райкоме партии заседание бюро. Но один момент врезался намертво. Когда оказался он лицом к лицу с доносчиком. Спросил — дали ему такое право — как мог спокойнее: «Вы в самом деле считаете, что я брал взятку? Вам кто-то сказал, вы знаете?» И тот, не моргнув, не изменившись в лице, твердо глядя в глаза Медникову, произнес: «Знаю. Точно. Вы сами хвастались...»

Вот тут-то Медников и не выдержал. В страшном ослеплении от такой лжи, несправедливости схватил он со стола графин и...

Его удержали... И прислали в колхоз новую комиссию. Начались новые расследования. Теперь уже его делом занялся обком.

Результаты повторного расследования оказались иными. Медникова вызвали. Поговорили. Предложили: «Есть мнение послать вас на учебу в совпартшколу. Согласны?»

Он был согласен! И уехал в город с семьей. После, когда он вернулся, его спросили: «Какую работу хотели бы выбрать — партийную или хозяйственную? Подумайте».

Он думал. Впервые, кажется, он мог выбирать! И решил: вернуться к сельскому хозяйству. Объяснил это скупо: «Хочу видеть наглядно результаты своего труда». Но была и другая причина... Хотя он и делал с готовностью то, что требовали от него обстоятельства, но это было вовсе не покорным, безропотным повиновением судьбе. Нет, он был упрямым, и памятливым, и настырным, когда дело касалось его гордости, его чести. И в тот момент ему очень важно было доказать.

В заключение той минувшей истории с обвинением Медникова во взяточничестве можно вспомнить еще один эпизод: когда повстречался ему тот, кто на него донес.

Заметив его, Медников тормознул, оставил на обочине машину, а сам медленно, тяжело ступая, пошел навстречу своему врагу. Не спуская взгляда с его лица, точно опасаясь, что он может вдруг истаять, исчезнуть. И такое у него было сладостное предчувствие мести!

Подошел совсем близко, спросил выдержанно, насколько хватило сил: «Ну вот, а теперь мы одни. Никого нет рядом, никто не слышит... Так брал я взятку или нет? Говори!»

Что-то белое, ватное, с размазанными очертаниями, в чем трудно было признать человеческое лицо, задрожало перед ним, запрыгало: «Павел Егорыч, отпустите... Простите, если можете, грех мой»...

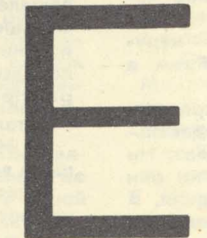
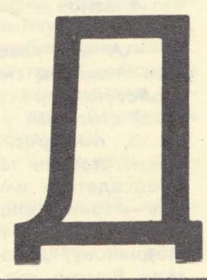
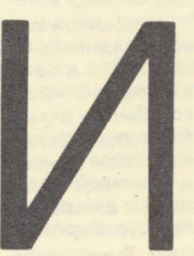
Простить он не мог. Но и слов и мщения не осталось в нем для такого человека. Пусто стало вдруг, и заныло внутри. Взглянул еще раз мельком, брезгливо и отвернулся. Пошел к машине. И все.

Разумеется, эта история не прошла для Медникова бесследно. Он не то чтобы научился осторожничать — нет, скорее, на собственном опыте, наконец, осознал, как это важно уметь быть сдержанным. Ведь даже несомненная правота может вызвать возражение, если человек не научился себя умно, тактично вести.

Но случалось, равновесие подводило, настроение портилось с утра от предстоящего свидания с человеком, которому в общем-то многим обязан, но благодарности не чувствуешь, напротив, неприятную, унизительную зависимость, как должник.

А никогда ничьему положению, богатству, сытости Медников не завидовал — и в голову не приходило. Он понимал, когда есть нужда и когда ее нет, но переходы-переливы, чуть больше и чуть меньше, ускользали, вообще говоря, от его внимания. Так уж получилось, так сложилась жизнь... Рос в многодетной семье, подростком, только началась война, ушел в партизаны.

Словом, его собственные вкусы, потребности оказались весьма непритязательными. Ходил в сером кургузом пиджачке в мелкую клеточку, брюки пузырились на коленях, а бо-

С

тинки носил на грубой подошве, солдатского типа.

И никогда-никогда он не чувствовал ни к кому зависти, что, мол, кто-то преуспел больше, лучше сумел устроиться, обеспечить себя, семью... Да глупости! Другим была занята его голова, о другом он, Медников, думал. И, если признаться, о деньгах. Только не о сотнях, не о тысячах — о миллионах. Хотел построить не один дом — много домов. Хотел никому не отказывать в квартире. Хотел, чтобы было сколько хочешь всего у всех. Богатство, да... Об этом можно мечтать... И завидовать соседу, который все же был ближе к ожидаемому уровню, у которого все показательно — поселок, хозяйство, он сам, молодой, удачливый, хваленый. Но не в нем дело! Тут ведь не личное соперничество. Тут много шире, глубже, и человек о самом себе забывает, потому что дело его, мечта, больше одного своего интереса, выше одного лишь себя...

Но когда Медников думал о Красногорье, у него возникало еще какое-то странное, смутное чувство, и, пожалуй, то была ревность.

Да, именно ревность ощущал он, когда его селянцы, побывав у соседей, расхваливали тамошнюю жизнь.

Ревность и обиду, когда видел, как штурмуют они красногорский магазин, накупая импортные кофточки и посуду,— в Селянцах разве достать!

Ревность и досаду, когда рассказывали они ему, своему председателю, о новом детском саде, построенном в Красногорье.

И хотя у себя дома он делал все, что возможно, и селянцы должны были это понимать, ему казалось, что втайне они его укоряют — не могут не укорять, видя, как живут-здравствуют их соседи.

...Пообедать, конечно, он так и не успел: заехал в ремонтные мастерские, оттуда к сенокосилкам — все на том же верном своем «газике»: надежнее он, чем «Волга», для сельских-то дорог. От Селянцев до Красногорья два часа езды. Решил выехать пораньше, чтобы время было в запасе. Ехал и старался не думать о предстоящем свидании, чтобы не омрачать то, что открывалось глазам. Темноватые, в дымных солнечных просветах рощи, ритмичное мелькание подступающих к самой дороге осин, уходящие к горизонту поля, и ветер рвался в открытые окна. Чем ближе к Красногорью, к городу, тем ровнее, шире становилась дорога. А по обе стороны серо-лиловой загрунтованной ленты лежали поля.

Раньше, ну, скажем, двадцать лет назад, поле казалось ему лишь цветовым пятном: желтеющим или зеленым, в ровной глади или изъеденное проплешинами. И не мог он угадать, какая она, земля. Здорова ли или что-то ее беспокоит? И как ей помочь?

А теперь он чувствовал зов земли, и, когда надо было, а дожди не шли, он сам начинал томиться жаждой, как в пустыне.

Но водохранилище, созданное совсем недавно, утолит жажду земли, даст селянцам независимость от капризов погоды. Вот бы заехать сейчас туда, посмотреть, вдохнуть прохладный, увлажненный воздух! Но нет, решил Медников, на обратном пути; сначала нужно сделать дело.

Увлекшись своими мыслями, он чуть было не проскочил мимо голосующих у обочины шоссе. Притормозил, и они тут же кинулись к «газику», двое мужчин, пожилой и светлоголовый парень. Светлоголовый тянул пожилого за собой. Заглянул в окно. Улыбка у него была робкая, просительная:

— До Прибыткова подбросите?..

Распахнул дверь и под локотки, осторожно, как ребенка, посадил пожилого.

— Спасибо, спасибо большое,— сказал, усаживаясь.

А пожилой пробормотал что-то неразборчивое. Медников в зеркальце отметил узкое, загорелое и в то же время нездоровое, морщинистое его лицо и глаза, светлые, выцветше-голубые — очень неспокойные глаза. В них была пустота и одновременно страдание. Такие глаза бывают у попрошаек и у больных.

Пожилой задвигался на сиденье. Светлоголовый его придержал. И тогда из горла у пожилого вырвался какой-то клекот...

— Тише, тише, дядя Коля,— зашептал ему парень.— Сейчас приедем, погоди.

Пожилой задыхался, силясь что-то произнести отчетливое.

Медников брезгливо сжал губы, не оборачиваясь, сказал:

— Что ж это — набираться так с утра...

Парень, услышав, вздернул голову.

— Он не пьян. Вы не правы. Это у него с войны...— И совсем уже тихо: — Он все понимает, и только с речью у него разладилось...— И опять пожилому: — Ничего, дядя Коля. Потерпи. Уже скоро.

Пожилой затих. И кольнуло Медникова, разрастаясь все больше, недовольство собой, своей грубой поспешностью, своей нечуткостью... Уже распрощавшись с попутчиками, не мог все еще избавиться от чувства неловкости и вины перед ними и так и прибыл в Красногорье — точно, как договорились, к трем часам.

...Председатель «Красногорья» Игорь Анатольевич Бондин поднялся из-за стола Медникову навстречу. Улыбнулся. Он улыбался часто, но улыбка не меняла хмуро-задумчивого выражения его лица. То есть нет, скорее озабоченного. Игорь Анатольевич всегда был чем-то озабочен. И всегда куда-то опаздывал, спешил. Оно, конечно, понятно: такое большое хозяйство. А уж об успехах нечего и говорить. Но все же мог бы Бондин держаться и поспокойнее. Вон как издергался. Мелкие, судорожные движения багрово-налитой шеи — раньше у него вроде этого не было...

Потискав мясистой ладонью руку Медникова, Бондин снова уселся за свой громадный, с массивным чернильным прибором стол. Медников исподлобья оглядел кабинет. Ага, к приемнику прибавился еще и новый проигрыватель последней марки. А на полке выставлены модели автомашин. Как бы хотелось их потрогать! Но Медников, разумеется, не мог себе позволить такое мальчишество. Сидел, притиснув к коленям свои большие руки, в мягком низком кресле — точь-в-точь как в столичных гостиницах.

— Новый корпус хотите покажу? — спросил его Бондин.— Птицеферму решил расширить. И подсветку розовую туда провел. На Украине был, так там еще музыкой озвучили: полезно, говорят, для несушек.

Встал, подергал шеей:

— Пойдем?

Вышли на небольшую площадь перед правлением, украшенную стендами с фотографиями лучших людей колхоза. Бондин вывел от подъезда новенькие синие «Жигули». Медников, еще раз попытавшись стряхнуть с брюк глину, сел рядом.

«А дороги-то у них что надо,— подумал он.— Надо бы и нам перед начальством похлопотать... И потом—сейчас или погодя спросить о доилках?»

...Остановились у нового корпуса птицефермы.

Потоптавшись в опилках, они вошли. Ни единого человека. Только парень-электрик выскочил, передал им ключи.

Походили между отсеками, заселенными брюзжащими несушками. Медников потрогал выкатившееся на подносик яйцо. Да... Но для них, селянцев, главная забота все же хлеб...

На обратном пути решил заговорить о доилках. Эх, и неприятно просить! Почему-то с Бондиным у него так выходило, будто он сам для себя что-то выпрашивает, хотя, если честно, Бондин еще ни разу не отказал. Вот и теперь сказал коротко:

— Сделаю.

— Спасибо.— Медников благодарно улыбнулся. Хотел пожать председателю руку, но Бондин крепко держался за руль и не заметил ни улыбки Медникова, ни его жеста — глядел вперед, на дорогу.

Медников тоже стал глядеть туда, стараясь не думать ни о каких обидах, убеждал себя, что главное — дело сделано, а остальное чепуха.

— А вы, наверно, проголодались? — нарушил наконец молчание Бондин.— Зайдем в столовую, перекусим...

...В столовой у красногорцев было красиво, чисто, по-городскому. Но девушки-подавальщицы ставили тарелки, не поднимая глаз. Ни председатель им ни слова не сказал, ни они ему — точно впервые друг друга видели. В Селянцах было иначе. А впрочем, какое ему, Медникову, дело! Дома свои порядки, здесь свои. Вкусно, так есть надо.

А председатель Игорь Анатольевич Бондин нехотя ковырял вилкой в тарелке. И взгляд у него был рассеянный, далекий какой-то.

Как странно... Такие у красногорцев успехи, а у председателя одно беспокойство в лице.

И тут, будто в ответ на медниковские мысли, Игорь Анатольевич сказал с раздражением:

— Ни на кого нельзя положиться!

Медников удивленно поднял глаза. Бондин был на десять лет моложе его. В сельское хозяйство пришел по призванию, во всяком случае, с юности к этому готовился, закончил специальный институт. И так все удачно вроде у него сложилось. Получил отличное хозяйство. И надо отдать ему должное, еще выше показатели поднял. И всюду его хвалят. Так что же...

Медников молчал. Но Бондин продолжил, как бы ему отвечая:

— С молодыми кадрами носимся, а что они, молодые?! Все в город норовят.

— Ну так это понятно — город! — вздохнул Медников.— У нас та же проблема. И столько об этом пишут... Думаю, тут надо в каждом случае отдельно разбираться. С каждым по душам говорить.

— Нужны им наши души! — удерживая в себе взрыв, перебил Бондин.— Им танцульки, да кафе, да развлечения подавай. Задабриваем, соблазняем, чем можем, а что толку? В кого вкладываем-то? С кого ответ потом требовать, а?

— Да, трудно, конечно...— Медников помолчал.— Но, знаете, у меня вот девушка — главный агроном, горожанка. Думал так, залетела — улетит. Так нет, пять лет уже в совхозе. И просто не нарадуюсь. Такая толковая! Умница... Одна только беда: замуж никак не выйдет. И красивая. Но ведь что получается: чем умнее, лучше человек, тем труднее найти ему свое счастье. Вот и тут... Многого ждет, на малость не соглашается. В работе она золото. Но, знаете, чувствую: что-то уже через силу, с перебором иной раз старается. Будто неволит себя. Будто хочется ей от самой себя убежать — вот еще и еще дело себе придумывает. Говорю иногда: отдохни. А понимаю, боится она этого отдыха. Вот... Тоже, можно сказать, проблема.

— Мельчите вы здесь, Павел Егорыч. Одно дело ваша агрономша, а я в целом о проблеме говорю и считаю...

— А разве эта проблема не из людей, не из человеческих судеб состоит? — перебил его Медников.— Если кому удастся общее решение, единый выход тут найти — прекрасно. Но пока...

Он замолк, заметив, как печально улыбнулся его речам Бондин. И улыбка эта, казалось Медникову, говорила яснее слов: «Ну зачем вы так, Павел Егорыч... Ведь не враг я вам, не противник. Одно дело, как-никак, делаем, и уж кому, как не вам, меня понять...»

И снова знакомое чувство вины вошло в сердце, больно расширило грудь, как на глубине, когда уже не хватает воздуха и нет сил выплыть... И когда же в самом деле наконец он научится быть терпеливым, благожелательным, сдержанным — ну, когда?!.

...— Павел Егорыч! Рад вас видеть, хорошо, что приехали,— услышал Медников знакомый голос директора Красногорской средней школы Зубкова. И вот он сам, низенький, юркий, с маленьким, подвижным обезьяньим личиком, улыбался во всю ширь своего губастого рта, показывая частые неровные зубы. Присел на край свободного стула, придвинулся поближе к Медникову. Подперев щеку крохотным, почти детским кулачком, произнес нараспев:

— А дождей-то все нет...

— Ну вот что,— сказал вдруг новым, резким, властным голосом Бондин.— У меня, к сожалению, свободного времени значительно меньше, чем у товарища Зубкова. А потому, извините, откланяюсь. Если вам, Павел Егорыч, понадоблюсь, буду в правлении. А так, еще раз прошу прощения, дела.

Встал. Пожал руку т о л ь к о Медникову.

— Насчет доилок не беспокойтесь. И хорошего вам дождя.

Ушел. На столике остался не допитый им компот.

— Вот такие дела,— сказал Зубков, вероятно, от смущения, ничего не значащую фразу.

Маленькое его личико дернулось в болезненной гримасе:

— Как видите, сложные отношения у правления колхоза со школой. Так сказать, живем на положении бедных сирот. Нас и одернуть не грешно.

— Ну, зачем вы так,— сказал, не поднимая глаз, Медников.— Школа у вас отлично оборудована. Наши учителя, как у вас побывали, житья мне не дают: почему, мол, и у нас так не сделать? А я разве против? Сам бы еще раз в школу пошел, чтобы учиться в таких классах.

— Да, это верно, верно,— согласился Зубков.— Но как бы вам сказать... Понимаете, действительно, средств правление колхоза нам много дает. Школа по оборудованию и правда одна из лучших в районе. Но вот в чем штука: одно дело, когда правление энную сумму на нужды школы выделяет, а другое, когда председатель, Бондин Игорь Анатольевич, подачку — пусть и большой-таки кус — с барской руки швыряет. Оттенок чувствуете?.. Получается: он л и ч н о дает, а школа, в лице директора, л и ч н о ему обязана. Вот так... Вот и хожу перед ним в вечных должниках. Необычная это для меня самого проблема, Павел Егорыч: в наше время, в нашей стране — отношения с богатыми родственниками.

Медников слушал... А ведь точно Зубков это нащупал. Это ведь и он, Медников, чувствовал, потому и не хотелось ехать к Бондину с просьбой: богатый родственник — вот оно!..

В Бондине проявились симптомы той весьма распространенной болезни, от которой ему, слава богу, удалось уберечься,— но он успел узнать, ощутить на себе самом признаки первой ее стадии, когда желание делать, решать, действовать захлестывает и в упоении начальных успехов сразу не замечаешь, что хочешь быть еще и во всем, над всеми хозяином, приучить всех к своей безошибочности и властному, строгому тону.

А потери, каковы потери?.. Рвутся нити, связывающие тебя с людьми, и вот уже никто не печалится твоей печалью, не радуется твоей радостью. И, какие бы ни были при этом успехи, лицо у тебя озабоченное, сумрачное, потому что на сердце непокой... И неправда, что победителей не судят. Нет, судят, еще как! И может, даже еще пристрастнее, еще строже.

...— И получается,— услышал опять Медников голос Зубкова,— что если идет к человеку удача, если все показатели у него «на ура», так ему и топтать все вокруг можно? А ведь это заразительно. Смотрю, молодые ребята, вчерашние мои ученики, тоже вдруг начинают так разговаривать... В школе вот недавно капитальный ремонт был, так мне пришлось столкнуться, как они командовали! Как вели себя, когда взрослые, пожилые люди оказывались не очень сообразительными, не сразу понимали, что от них хотят... А те, значит, д е л а л и д е л о. То есть одолжение. Внушил им кто-то, что одолжение...

Зубков обхватил себя руками за шею:

— Не знаю... Не знаю, поверьте, как этому помешать, какими средствами...

Он посмотрел на Медникова и снова отвел взгляд:

— Сознаю ясно одно. Как бы ни наладилась наша жизнь, все в конечном итоге будет зависеть от человека, от его личных качеств. И тут я вперед вовсе не забегаю. Вы сами знаете, как мы здесь живем. У меня, к примеру, квартира прекрасная. Продукты в магазине отличные. В смысле промтоваров такое бывает, что и в городе не достать. А я вот сижу перед вами и плачусь.— Он улыбнулся.— И думаю: а что, если мне податься в селянцевскую среднюю школу? Классы у вас тесные, знаю. Но я бы там учил и чувствовал... Нет, нет, не беспокойтесь, я не набиваюсь. Никуда я, конечно, отсюда не уйду. Бежать от своего дома всегда грешно. А здесь мой дом.— Он вздохнул.— Прочный, обжитой. И все это так, душевные терзания. Скоро каникулы кончатся, и я займусь своим делом — ребятишек учить...

...Они встали. Рядом с крупным, высоким Медниковым Зубков казался еще мельче, узкоплечее. Улыбался, а глаза у него оставались печальными, как у хворой обезьянки.

— Извините, что задержал. У вас ведь делто, наверно, мно-ого...

И пошел один по асфальтированной, обсаженной молодыми деревцами улице, подгребая смешно ботинками, великоватыми, казалось, для его ног.

А Медников Павел Егорыч сел в свой «газик» и закурил «беломорину». От Красногорья до Селянцев два часа езды, и было о чем подумать.

Ехал. И видел, теперь в обратном порядке, деревни, рощи, поля, и ветер рвался в открытые окна. И, как это нередко случалось с ним в дороге, волна нетерпеливой светлой радости подняла его и смела все горькое, что накопилось внутри. И захотелось ему увидеть свои пруды — те самые плоские зеркальца долгожданной воды. Но подъезда к ним не было. Он свернул с дороги на просеку и, подскакивая на колдобинах, поехал через поляну глубже, в лес...

Как хотелось взглянуть на эту гладкую, серебрящуюся вдали, дымчатую воду! Все ближе, ближе к ней... Но вода, мелькнув, ускользала, заманивая, как мираж. Он решил ехать напрямик.

Напрямик... По глинистому скату, почти уже к самой воде.

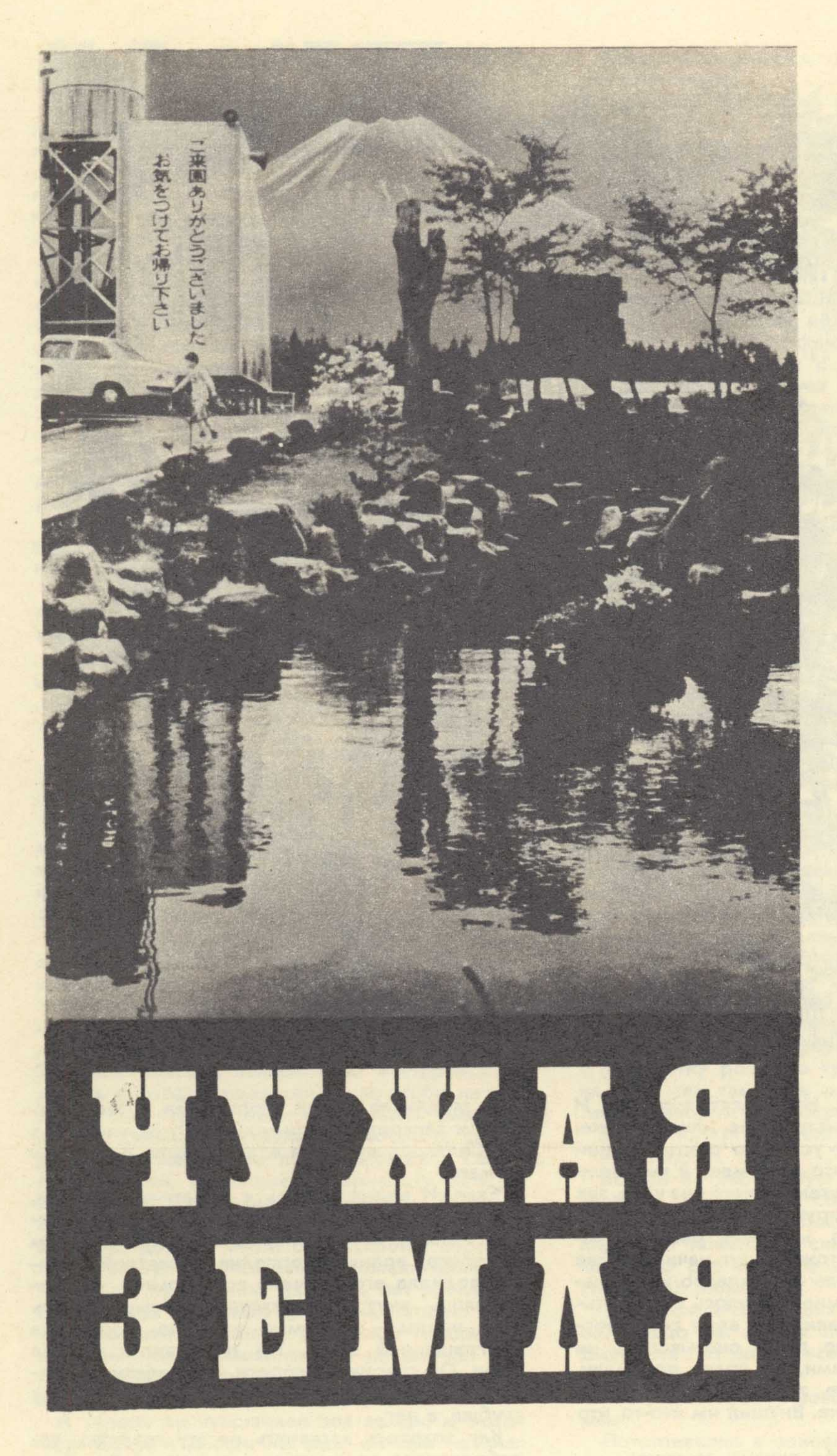
Издали такие чистые, озера были мутными вблизи. Он постоял, поглядел и полез в «газик».

Обратный путь оказался труден. Ветки хлестали «газик» по замызганным бокам. И вот, проскочив удачно канаву, он увяз плотно в глине... Вышел из кабины, постучал сапогом по покрышкам. Огляделся...

Как глупо! Неужели придется плестись в деревню за подмогой? Глупо, глупо! И все мальчишество его...

А потом, обозлившись сам на себя, он ломал ветви, швырял их под колеса, терзая свой «газик», выжимая из него остатки сил. Но ощущал при этом уже не злость, не хмурую обреченность, а вдохновение. Ах, как в нем было еще много сил! Как нравилось себя испытывать — и побеждать, торжествовать победу даже вот в таком пустяке...

Но все же они были, эти водохранилища. Из них селянцы скоро добудут свое богатство, свой миллион. Медников ехал и, сам того не замечая, улыбался. Когда показались Селянцы, было уже темно. Он вернулся домой, усталый, замызганный, по пояс в глине — и счастливый. Лег на кровать и мгновенно уснул.

ЧУЖАЯ ЗЕМЛЯ

В. КАССИС

Депрессия, инфляция, безработица — вот проблемы сегодняшней Японии. Есть в стране и сложности, вызванные специфическим явлением сверхконцентрации заводов, фабрик, мастерских в немногих индустриальных центрах, главным образом на восточном побережье страны. Именно здесь, на двух процентах ее территории, сосредоточено четыре пятых всего населения.

Произошло это не случайно. Лишенная сырьевых ресурсов, Япония строила порты на более благоприятном для мореходства тихоокеанском побережье. Вокруг портов росли и теснились фабрики, мастерские, которые уже тогда создали контуры нынешнего мощного индустриального пояса Японии — Токио, Кавасаки, Иокогама, Нагоя, Киото, Осака, Кобе... Между тем почти шесть седьмых территории Японии находится чуть ли не в первозданном состоянии. Одновременно развивается весьма знаменательный процесс: люди продолжают уходить из малонаселенных мест в районы, где царит перенаселение, в промышленные центры. Деревня теряет землепашцев. Особенно это заметно в зимнюю пору, когда из сел на заработки в город тянутся тысячи сезонных рабочих.

Нынешней зимой выходцам из деревень пришлось особенно трудно, так как, по данным профсоюзного центра Сохё, в стране насчитывается более двух миллионов безработных. Сезонники ночуют в привокзальных районах крупных городов в надежде устроиться хотя бы на почасовую работу. Многие из них уже никогда не возвращаются домой, превращаясь в странствующих люмпенов. А те, кого предприниматели нанимают за гроши, не имеют жилья. Но это никого не волнует. Осваивать новые территории под строительство жилых домов — предприятие, не сулящее высоких прибылей. Оно связано с вложением весьма значительных капиталов.

За годы, прожитые в стране, я убедился, что земельная проблема — одна из острейших в Японии. Каждая из историй, приводимых ниже, как мне думается, дает представление не только о ее масштабах, но и трудностях, связанных с ее решением.

ДАРОВАНО КОНСТИТУЦИЕЙ...

Город Комаэ раскинул свои разноэтажные кварталы на площади в несколько сот гектаров возле самой границы Большого Токио. Если бы жители Комаэ не обзавелись в свое время собственной мэрией, город мог оказаться под юрисдикцией столичного муниципалитета. Города-мегалополисы в современной Японии — явление обычное. Токио, например, состоит из 26 городов, 6 поселков городского типа и 9 деревень. Вот почему рабочие, домашние хозяйки, конторские служащие, учителя, владельцы мастерских, магазинов Комаэ гордятся своей административной «самостоятельностью» и в беседах с заезжим любят подчеркивать свою независимость от центральных властей. Однако случай, который произошел в Комаэ, навел горожан на иные размышления.

Река Тама, рассекающая город на две неравновеликие части, обычно являет собой унылое зрелище: мутная вода еле-еле сочится меж застроенных жильем, складами, амбарами невысоких, размытых берегов. Местами река становится настолько жалкой, что выставляет напоказ свое галечное ложе, усеянное ржавыми консервными банками, дырявыми бидонами и прочим хламом.

Лет двадцать назад частная железнодорожная компания «Одакю» вложила капитал в строительство жилых домов, откупив у местного муниципалитета участок земли вдоль берега реки. Из-за оползней и частых разливов места здесь считались бросовыми, а цены на землю были ниже, нежели в других местах. Это обстоятельство и привлекло «Одакю». Ее хозяева предполагали, что, вложив небольшой капитал, через год-другой будут грести прибыли лопатой.

Действительно, охотников на готовое жилье, да еще с небольшим приусадебным участком, отыскалось немало. Дома покупались в рассрочку. Чтобы рассчитаться вовремя, люди жили в строгости, откладывая каждый медяк. Одни успели выплатить долги, другим не хватало каких-то месяцев. Теперь это уже не имеет значения. Девятнадцать семей оказались в равном положении, без жилья и без денег: на город Комаэ обрушился тайфун.

Метеослужба задним числом закодировала злосчастный тайфун под номером 16. Ураганный ветер и страшной силы тропический ливень в одночасье обратили ленивую речку Тама в неукротимый, бешено ревущий поток. Уровень воды поднимался на глазах. Когда же первые ручейки побежали по улицам города, власти, опомнившись, объявили чрезвычайное положение. Жителям прибрежного района было приказано немедленно покинуть дома. Над Комаэ пронзительно завыли пожарные и полицейские сирены. Кому-то в голову пришла запоздалая мысль: укрепить правый берег мешками с песком, преградив путь воде к жилым постройкам. Но под руками не оказалось ни мешков, ни песка. Через полтора часа разбушевавшаяся Тама размыла старый волнолом и, словно бритвой, срезала с берега девятнадцать домов, построенных компанией «Одакю». Их обломки вода унесла в море.

Девятнадцать семей остались без крова, без имущества. Комиссия по расследованию обстоятельств трагедии вынесла, вероятно, объективное решение: река Тама считается водной магистралью «первой категории» и поэтому юридически находится под контролем центрального правительства. Она не должна была выходить из-под специального надзора. Однако никто из специалистов ни разу не подал за все годы тревожного сигнала. Теперь все признают, разводя руками, что фактически река оставалась беспризорной. Ее берега не были укреплены на случай стихийного бедствия, а волнолом построен без должного запаса прочности. К тому же срок службы земляного вала давно истек, так что он и не мог стать защитой для прибрежного района.

— Министерство строительства считает, что оно ни при чем,— разводит руками мэр города С. Иосидзава.— В Токио винят «неожиданное стихийное бедствие». И только. Мы же своими силами ничего поделать не можем. Временно, правда, всем пострадавшим предоставили жилье, помогли немного деньгами. А как быть дальше? Чтобы построиться заново, нужны средства, и немалые, а получить их негде...

Комитет пострадавших направляет в центр петиции, ходоков, требует выплаты компенсации за понесенные семьями убытки. Власти прячутся за ширмой непричастности. Пока они дали лишь согласие на обряд освящения участка земли, где гуляла стихия, синтоистским священником. Жалобы жителей Комаэ аккуратно подшиваются к делу «Тайфун № 16».

— Японская конституция дарует право подачи жалоб каждому,— рассуждают горожане из Комаэ.— Но это еще ни о чем не говорит...

НАЛОГ НА СПОРТСМЕНОВ

На травяном поле перед зданием столичного гольф-клуба «Маруман» возвышается замысловатая конструкция из стали и алюминия. Венчает это странное сооружение металлическая клюшка для игры в гольф. Гибкий шарнир соединяет ее с искусственной «рукой» робота. Ассоциация гольфа приобрела сию диковину в Соединенных Штатах Америки за 25 миллионов иен. По свидетельству знатоков, автомат способен «переиграть» даже самого прославленного чемпиона. В Токио не скрывают, что японская ассоциация гольфа решила таким способом создать себе дополнительную рекламу и поддержать популярность этого вида спорта.

Впрочем, спорта ли? В Японии продолжают безуспешно задаваться вопросом: гольф — спорт, развлечение или вообще нечто иное? Газета «Джапан таймс» как-то посвятила этой проблеме целое исследование. Прежде всего автор приходит к неоспоримому выводу: в Японии гольф — занятие дорогостоящее. Рядовой горожанин не в силах позволить себе выбрасывать по 10—15 тысяч иен за одну игру на общественном поле. Высокая цена определяется ограниченным числом общественных полей (в стране их насчитывается всего четырнадцать). А для того, чтобы стать постоянным членом частного закрытого клуба, нужно внести вступительный пай в миллион иен или того больше. Если есть желание приобщиться к разряду пайщиков, можно купить несколько акций клуба. «Ну, а раз клуб торгует акциями,— приходит ко второму выводу автор статьи,— стало быть, это уже не спортивное заведение, а предприятие, цель которого — извлечение прибыли».

Далее газета задается вопросом: можно ли увеличить число общественных гольфовых полей, снизив таким образом плату за их пользование и превратив гольф в массовую игру? Оказывается, это сделать практически невозможно, потому что вся земля, пригодная для таких площадок, находится в ведении частных лиц.

В бизнесе по скупке и перепродаже земли участвуют гангстерские шайки, ростовщики, спекулянты. В минувшем году достоянием общественности стало дело о хищении 37 миллионов иен, принадлежавших фирме «Отоне Кайхацу когё». Результаты расследования показали, что фирма сама была вовлечена в авантюру по перепродаже земли под гольфовые поля в префектуре Гумма и получила «удар в спину» от своих конкурентов — торговцев недвижимостью. Удар нанес главарь известной гангстерской шайки Уэда. На его счету десятки судимостей, но значительно большее число участков незаконно приобретенной и перепроданной под гольф земли. По данным японской печати, за последнее время в соседних с Токио префектурах частные гольф-клубы скупили более 20 тысяч гектаров земли.

Полиция безуспешно пытается взять под контроль незаконные сделки по купле-продаже земельных участков. Но она не в силах преодолеть все тот же барьер частного владения. В результате бизнесмены и гангстеры продолжают обогащаться, а десять миллионов игроков (по данным ассоциации), как выяснилось, должны теперь нести дополнительные расходы: их обложили новым налогом.

Началось все с того, что «дело о гольфе» попало в Верховный суд Японии. Истцом выступила группа спортсменов, возмущенных злоупотреблениями в некоторых клубах. Суд рассмотрел дело и вынес решение: игра в гольф не может быть поставлена в один ряд с такими видами спорта, как теннис, плавание или пинг-понг. По сему каждый, кто желает играть в гольф, обязан платить государству налог в размере 500 иен (около двух долларов) в день...

Решение Верховного суда вызвало недоумение даже у видавших виды юристов: ведь сама по себе игра не наносит ущерба обществу, она не является азартной. Общественность считает, что разумно было бы применить силу закона к тем, кто занимается махинациями с земельными участками, и, напротив, поощрить спортивные организации префектур и городов, которые готовы увеличивать число гольфовых полей, открытых для всех. При чем же здесь миллионы людей, которые желают провести воскресный день с клюшкой в руках на природе, подальше от шума, гари и смога промышленных районов? Разве они повинны в том, что вокруг гольфа крутится множество сомнительной публики?

Судебные органы нанесли по гольфу ощутимый удар. А популярность игры, естественно, упала. Сумеет ли это плачевное положение изменить робот, приобретенный за океаном за 25 миллионов иен?

«ПЛАН КАНТО»

Под словом «Канто» географы подразумевают самую обширную из японских низменностей, которая лежит на юго-восточной окраине острова Хонсю, с трех сторон охватывая Токио. Штабные офицеры американских вооруженных сил в Японии вкладывают в это слово свое понятие. Еще в годы оккупационного режима здесь, на обширной равнинной территории, выросли казармы, склады, военные госпитали.

Землю под эти сооружения отрезали, где хотели и как хотели. Крестьян выгоняли из их деревянных хибар, пускали бульдозер, который крушил все на своем пути: жилые постройки, рощицы, храмы, кладбища. Земля отводилась под взлетно-посадочные полосы аэродромов: Ацуги, Эбина, Йокота, Татикава...

База в Татикава считалась главным транспортным перевалочным пунктом Пентагона в западном районе Тихого океана. Она широко использовалась в годы агрессивной войны в Индокитае. Но, когда был поднят вопрос о еще большем расширении границ базы, крестьяне запротестовали. Они стояли насмерть, не уступая ни единого квадратного метра своей земли. Американское командование было обескуражено и во избежание скандала капитулировало. А через какое-то время в ультимативной форме японским властям был предложен так называемый «план Канто». В его преамбуле, написанной исключительно в пропагандистских целях, подчеркивалось, что Пентагон «сворачивает» свою деятельность на Японском архипелаге, что Вашингтон принял, мол, решение сократить число военных баз...

Однако остальные параграфы документа свидетельствовали об обратном: речь шла не о сворачивании базы, а о технической и территориальной реорганизации. В частности, имелось в виду, чтобы в течение трехлетнего периода базу Татикава передать японской стороне, ликвидировать в долине Канто еще несколько второстепенных объектов и увеличить удельный вес базы Йокота. Причем модернизация и реконструкция баз взваливались на плечи японских налогоплательщиков. Японская сторона пыталась было поначалу противостоять, ссылаясь на документальную договоренность между двумя странами о том, что Япония не несет никаких расходов по содержанию вооруженных сил и обеспечению военных объектов США. Пентагон, однако, настоял на своем. Японии, как отмечала газета «Майнити», пришлось выложить на нужды реконструкции американских баз 25 миллиардов иен.

По свидетельству «Иомиури», на территории базы Йокота уже выстроено здание штаба главнокомандующего американских ВВС в Японии, жилой микрорайон для личного состава подразделений и соответствующие службы управления военно-воздушными операциями. Отсюда поддерживается связь с военно-воздушными силами США как в Японии (включая Окинаву), так и в Южной Корее.

«Майнити» опубликовала репортаж своего корреспондента, сумевшего побывать в районе жилых домов базы Йокота. Прежде всего, отмечает корреспондент, бросаются в глаза размеры квартир — 120—140 квадратных метров. В одной из них, например, проживает американский сержант с семьей из четырех человек. Рядовой японец о подобном жилье не смеет и думать. При этом сержант находится на полном довольствии армии и квартира ему обходится бесплатно. А если вникнуть в проблему, подчеркивает газета, то квартплату за него уже, по сути дела, внесли японские налогоплательщики.

Затем корреспондент взял интервью у японцев, проживающих неподалеку от базы, чтобы составить представление о жилищных условиях хозяев и «гостей». Результаты оказались явно не в пользу хозяев. Приведем два высказывания.

Чиновник. Чтобы построить такую квартиру, как на базе Йокота, нужно иметь 50—60 миллионов иен. С моей зарплатой и нынешней дороговизной это абсолютно исключается.

Домохозяйка. С ваших слов я представляю, как там живут американцы. А у нас и семья больше и комнат-то всего две. К тому же мы ожидали эту квартиру пятнадцать лет. Признаюсь, нам повезло: сколько людей еще ждут своей очереди и не по стольку лет.

Итак, делает вывод газета, «японец-налогоплательщик строит бесплатные квартиры для американских солдат». Та же «Майнити» приводит данные по строительству коммунального жилья муниципалитетом Токио. Жилой фонд муниципалитетов в крупных городах Японии легко узнать по неказистому внешнему виду и значительной удаленности от центра. Техника строительства примитивна: муниципалитет получает от государства ссуду и передает ее подрядчикам, те строят жилые дома и сдают их властям. Они постепенно возвращают ссуду за счет квартплаты жителей домов с определенными процентами. Однако списки жаждущих получить жилье растут из года в год.

По образному выражению одного чиновника из префектурального собрания Токио, именами японцев, остро нуждающихся в жилье, можно заполнить ленту и опоясать ею весь земной шар по экватору.

Дороговизна земельных участков, инфляция, взвинченные цены на строительные материалы, общий экономический спад — таковы причины неудовлетворительного положения со строительством жилых домов.

А на военно-воздушной базе США Йокота все идет своим чередом. Американские сержанты и офицеры празднуют новоселье за новосельем. «План Канто» успешно претворяется в жизнь.

ТЕМНЫЕ КОРИДОРЫ ФЕМИДЫ

Подходил к концу очередной финансовый год, и отцы города Осака ломали головы над извечной проблемой: как залатать дыры в ветхом муниципальном бюджете, где для этой цели изыскать средства. И вдруг кто-то предложил добыть недостающую сумму денег из... воды. Идея отличалась смелостью и при тщательном изучении действительно сулила приличные барыши. Так, более десяти лет назад на берегах канала Дотон-бори развернулись работы. Землечерпалки, земснаряды трудились день и ночь, намывая землю, отвоевывая у канала метр за метром. А когда искусственная территория размером 7600 квадратных метров была подготовлена под сооружение развлекательного центра, муниципалитет продал ее за 952 миллиона иен... Здесь всем стали заправлять владельцы дешевеньких кабаре, игральных автоматов, баров...

Архитекторы Японии хорошо знают неписаный закон: прежде чем приступить к строительству дома, железной или шоссейной дороги, необходимо оформить сделку на землю. Без нее любая градостроительная затея лишена отправной точки, несостоятельна. Частнокапиталистический характер японского общества неумолимо диктует свои порядки: при составлении плана застройки необходимо сразу закладывать 50, а то и 80 процентов от общего бюджета на покупку земли.

Канал Дотон-бори проходит через торговый центр и основной район увеселительных заведений Осаки. Здесь каждый клочок земли ценится особенно высоко. Даже по тем временам десятилетней давности заплатить за 1 квадратный метр 125 тысяч иен мог не каждый бизнесмен. И все же страждущие не заставили себя долго ждать. 7600 квадратных метров земли сбыли на торгах, и, казалось бы, на этом вопрос можно было закрыть. Но произошло непредвиденное: у канала, а точнее, теперь уже места, где проходил канал, отыскался хозяин.

— Должен вас огорчить, г-н мэр,— подавленным голосом докладывал районный судья.— Поступил иск на проданную без ведома владельца площадь. Томоо Ясуи возбуждает дело против муниципалитета. У него на руках документы, подтверждающие право на владение каналом Дотон-бори...

— Вздор! Сущий вздор! Кто может претендовать на какую-то грязную воду?!

— И тем не менее... Мы, конечно, постараемся уладить дело, но, сами понимаете, закон есть закон...

Томоо Ясуи, уроженец Осаки, может быть, никогда и не вспомнил бы о своем канале, который не представлял для него никакой практической ценности. Лодочной станции он не держал, а купаться ходил не дальше собственной ванны. Была бы земля, он давно бы нашел ей применение. Но в данном случае его самолюбие было задето невиданной наглостью власть имущих, разбогатевших за его счет. Ему и в голову не могло прийти, что «чужую» воду можно без особого труда превратить в «чужую» сушу, а сушу — в деньги.

И вот 86-летний потомок влиятельного самурая Дотона Ясуи в двенадцатом поколении изъявил желание судиться. Правда, доказать свою правоту Томоо Ясуи не успел: он скончался даже раньше, чем документы были приняты к судопроизводству. Эстафету тяжбы за канал приняла его 59-летняя дочь Хисако Ясуи. Истица располагала записями, в которых подтверждается, что их потомок Дотон Ясуи 360 лет назад построил этот канал, который и был назван его именем. В суд также была передана карта-схема, где от пункта «А» до пункта «Б» точно обозначился отрезок канала, доставшийся по наследству ее отцу Томоо Ясуи. В прилагаемой справке сообщалось, что незаконно намытая и проданная муниципалитетом земля составляет лишь часть площади, на которую претендует семья Ясуи. Всего им должны вернуть ни много ни мало — 150 тысяч квадратных метров водной поверхности!

Суд на протяжении десяти с лишним лет неоднократно отклонял иск под предлогом «недостаточной аргументации и сомнительной ценности бумаг». Недавно Хисако Ясуи предприняла очередной штурм Фемиды, передав в районный суд 115 копий документов разных эпох. Однако до сих пор они покоятся в темных коридорах казенного дома, где не спешат выносить решение против тех, кто стоит на «страже» порядка.

Токио — Москва.

ЖИВУТ НА СВЕТЕ ХУДОЖНИКИ

А. ЩЕРБАКОВ

Фото М. САВИНА

Есть люди, и их, к счастью, становится все больше и больше, которые заботятся о том, чтобы в нашу жизнь постоянно входили новые художники. Входили бы и щедро украшали ее. Примечательно, что будущих художников формируют не только всеми признанные культурные центры — Москва, Ленинград, но и маленькие города. Вот, например, Бобруйск.

Есть тут художественное профессионально-техническое училище. Готовит резчиков по дереву, чеканщиков, керамистов, столяров-краснодеревщиков, столяров — специалистов по художественной и стильной мебели. Готовит и художников-оформителей, мастеров малярно-альфрейной живописи. И — удивительно! — руками, трудом будущих рабочих завоеваны триста с лишним медалей Всесоюзной выставки достижений народного хозяйства, право участвовать во Всемирной выставке в Канаде, в выставках во Франции, Японии, Италии, на Кубе, в ФРГ...

Рабочий-художник... Рабочего подготовить не так уж сложно. Повозится с ним опытный мастер и научит вырезать из дерева массовое поголовье зубров, делать ходовую керамику, шаблонно, бездумно инкрустировать поточные шкатулки. А подготовить художников в полном смысле слова... О, тут не обойдешься навыками ремесла, тут стандартной программы мало. Тут требуется одаренность, талант творца. А нужно ли с талантом-то в профтехучилище?

Ларин был убежден: нужно! Бывший военный летчик, педагог по призванию, он, когда взялся создавать училище, уже отчетливо видел нынешнюю его суть и уже «подгонял» под эту суть выношенную убежденность: человек должен быть не только умелым, но и счастливым. Тем счастьем, которое способна принести ему любимая профессия, если он сможет прорастить в ней зерно творчества. Формула эта выводила прямо на цель — научить служению людям, а не обслуживанию клиентов, созиданию красоты, а не выполнению заказа...

Начинать Ларину пришлось, что называется, с нуля. И притом в городе, где нет ни Эрмитажа, ни Художественного театра, где не устраивают международных выставок и сессий Академии художеств, где библиотеки не располагают редкостным богатством, столь необходимым для обретения большой культуры.

Время щадит нашу память, стараясь сохранить в ней только хорошее. И рассказывая теперь биографию училища, Аркадий Егорович Ларин вспоминает в основном заметные вехи, победы. Быстро складывалась завидная репутация ГПТУ, республика сразу заметила его выпускников. Но самое радостное: подбирался отличный коллектив преподавателей и мастеров производственного обучения, группировались единомышленники. С ними Ларин и повел училище к цели, которую наметил в самом начале.

...Леня Окунь еще в школе увлекся резьбой по дереву. Бегал в бобруйский Дом пионеров, учился «делать чудеса». Ведь это в самом деле чудо, когда податливая липа или строптивая береза превращаются под твоим резцом в лихого конника или сказочного богатыря, в пугливого оленя или отважного орла. Увлечение стало призванием. Леня занимался в художественном училище в Ленинграде, потом на художественно-графическом факультете Витебского пединститута. И вернулся в Бобруйск.

Он боялся, что не найдет себя в профтехучилище, не сможет быть педагогом. Но как-то он рассказал мальчишкам о том, какое чувство испытал на выставке, где отметили его работу. Позже ребята подойдут к нему и попросят разрешить им после занятий задержаться в мастерской. Леонид остался тогда с ними. И опасения его исчезли.

Потом их резьбу послали в Москву, на ВДНХ. К творчеству приобщилась вся группа. Несли идеи, темы. Появилось желание украсить свой быт, сделать иным весь облик училища. Наконец парни задумались: «А разве только у нас должно быть красиво?» Вопрос не повис в воздухе. Ответ пошли искать в соседнюю, 25-ю среднюю школу: создали там кружок резьбы по дереву, взяли шефство над Брожской сельской школой. И уже не мыслили свою жизнь без творчества. Валентин Васьковский окончил минский театрально-художественный институт, Анатолий Пашковский получил приглашение на работу в мастерские художественного фонда Союза художников БССР, Михаил Забиран преподает во Дворце пионеров в Гомеле, Николай Лейко учится в институте в Витебске... Все они питомцы профтехучилища.

Заманчивые перспективы открываются перед учениками Ивана Зигмундовича Зайца. Когда-то тракторист и комбайнер Ваня Заяц возился с «домашним заказом» — делал матери грабли. Сосед, мастеровой человек, дед Конон подошел, постоял, поглядел. «Тебе это ремесло и предназначено. Послушай меня. Зряшных советов не даю — дед перебирал зубья граблей, как струны.— Поучись только, большим столяром станешь!»

Заяц послушался старого мастерового. Стал большим столяром, и теперь он преподает в училище. Его ученики нарасхват. Пишут ему письма, делятся радостью творческих успехов.

В училище не перестают думать о том, как одухотворить мастерство, сочетать навыки умелого ремесленника с душой художника, как воспитать человека. В Бобруйске ищут, пробуют, добиваются. Директор, Ларин «на подручном» материале пишет и защищает кандидатскую диссертацию «Эстетическое воспитание в ГПТУ». (Издать бы ее, наверняка почерпнули бы много полезного те, кто обучает в промышленно-технических училищах строителей, текстильщиков, сельских механизаторов!) Леонид Окунь, объясняя учащимся, чем богородская резьба отличается от кудринской, не забывает подчеркнуть, что стиль художника, его почерк непременно выявляют духовное богатство, созидательную устремленность натуры. Преподаватель по народным художественным промыслам Инна Павловна Герасимова рассказывает на своих уроках о том, как народ веками накапливает духовные ценности, как умно, талантливо распоряжается ими. Да вот, например, когда-то белорусского умельца Клима Михайлова звали украшать деревянной резьбой знаменитые московские соборы, а несколько веков спустя его потомки делали мебель для Кремлевского Дворца съездов, для Московского университета. Неиссякаемая преемственность талантов. И мы не имеем права дать ей прерваться.

Иной раз бывает трудно — формальности, бумажные неувязки. И все же училище организует экскурсии в Москву, Ленинград, Киев, Минск. Так формируются художники. У них свой музей, и в нем собрано лучшее, что создали они за восемнадцать лет существования училища. У них чудесный кабинет эстетики, а в кабинете литературы ими же выполненные бюсты Пушкина, Горького, Льва Толстого, инкрустированные портреты Лермонтова, Чехова, Тургенева, Некрасова. Так формируются художники. Они красиво, с выдумкой оформили учебный корпус, столовую, двор. У них часты диспуты, и если объявлена лекция искусствоведа, философа, историка, в зале надо заранее занимать место...

Появилась идея создать музей народного творчества. Поставили бревенчатый, в народном стиле дом, Окунь с учениками придумали для него наряд из деревянных кружев. А Герасимова увлекла парней и девчат замыслом: собрать в деревнях предметы быта — образцы прикладного искусства. Власик, побывав дома на каникулах, привез разноцветный белорусский постил — мать соткала его в подарок будущему музею. Другие принесли лапти и расписные полотенца, туесок и прялку, расшитые юбки, половики, сарафаны... Борисенок даже кросны добыл — домашний ткацкий станок, вещь по теперешнему времени редчайшую. Инна Павловна торжествует: поиск — еще одно подтверждение того, что в училище формируются художники.

Формируются! И уходят. А вот тут-то нередко возникает проблема. Возьмут выпускника на фабрику художественных изделий, в систему министерства местной промышленности, посадят в цех на «поток», а там уж ты исполнитель, и больше ничего от тебя не требуется. Как же быть?! Училище настроило на творчество, а местной промышленности оно не требуется. У нее ориентиры совсем иные — процент выработки, норма, отчетность по сувенирной номенклатуре, по сюжетам. Но ведь можно — и нужно! — в той же системе иметь побольше творческих кабинетов, студий, почаще устраивать конкурсы, выставки, менять ассортимент. Словом, многое можно придумать, чтобы поощрить творческий рост, тяготение рабочего-художника к самовыражению.

Положительную роль в судьбах выпускников таких училищ, как Бобруйское, может сыграть Союз художников республики. Но училище никак не попадает в поле его зрения. А ведь в конечном счете только общие усилия принесут желаемый результат: в каждом нашем доме поселится художник. Настоящий художник.

Бобруйск — Минск.

Резчики по дереву Николай Алексеев и Леонид Мароко.

«Нестерка» и «Посиделки» — резьба Леонида Окуня.

«Журавли» — чеканка Зиновия Мялика.

На развороте вкладки: Фрагмент декоративной стены — автор Раиса Куприенко. ● «Зимний вечер» — инкрустация Александра Макарова. ● Аппликация Александра Мигаса. ● Этюд.

ЧТО ОТВЕТИТЬ НАДЕ?

Читательские письма... Какие же они разные! Читать их бывает и радостно и горько. Они могут вызвать сочувствие или возмущение, но никогда не оставят безразличным. За каждым — живой человек, думающий, любящий, страдающий, ищущий общения с другими людьми.

Есть в почте особые письма, авторы которых обращаются к редакции, как к другу, поверяют свои сердечные тайны, сокровенные желания, просят совета, ждут помощи в сложной жизненной ситуации или семейном конфликте. Обычно, не публикуя подобных писем, отвечают лично авторам. Сегодня редакция решила напечатать два таких письма из последней почты.

Можно только порадоваться счастью Дмитрия К. из Новосибирска, а что ответить Наде?

СПАСИБО ТЕБЕ, ТАНЯ!

Два года назад я встретил девчонку. Зовут ее Таней, но я прозвал ее Кнопкой.

Мы полюбили друг друга, но для нее и меня это оказалось не так-то просто. У нас во дворе была «веселая» компания, мы часто пили, устраивали драки. И, казалось, уже ничто не смогло бы свернуть меня с пагубного пути: ни уговоры и слезы матери, ни милиция, никто. А вот моя Татьяна смогла. Она оказалась сильным человеком, несмотря на свой маленький рост. Она сама приходила ко мне домой, разыскивала в подворотнях и уводила от двора, от «друзей». Я знал, что ее родители и друзья запрещали ей встречаться со мной, но она была верна нашей дружбе. Таня закончила 1-й курс Новосибирского института инженеров железнодорожного транспорта. А осенью будет наша свадьба. И я счастлив сейчас, потому что люблю ее. Я верю, что она всегда будет рядом со мной. А разве это не счастье? Спасибо тебе, Таня!

ДМИТРИЙ К., рабочий.

г. Новосибирск.

О ДЕВИЧЬЕЙ СКРОМНОСТИ

Дорогая редакция!

Меня волнует один вопрос, который, конечно, волнует многих девушек моего возраста. Это вопрос о девичьей скромности.

Много пишут об этом в стихах, в прозе, поют в песнях, но почему же в жизни это совсем не так?

Парням больше нравятся развязные и решительные девушки.

Скромность может дорого обойтись. На скромных не обращают никакого внимания, к ним даже не подходят, и, если отталкивать слишком предприимчивых, можешь остаться на всю жизнь одна. Иногда даже завидую таким «смелым» девчонкам, но в то же время мне их развязность противна. Чувствую, что сама не смогу так.

Очень прошу, посоветуйте, как же вести себя?

Может быть, скромность в наше время и не нужна?

НАДЯ Н., 18 лет.

г. Пржевальск.

ХОТЯ ПИСЬМО НЕ НАПЕЧАТАНО, МЕРЫ ПРИНЯТЫ

Еще в прошлом году «Огонек» начал разговор о заботах коллективного садоводства (№ 30). Читатели живо откликнулись на этот материал. Редакция получила множество писем с вопросами, советами, раздумьями. С разбором всех полученных предложений выступил председатель правления садоводческого коллектива «Советский художник» И. Березин (№ 4 за 1976 год).

Но часть писем, естественно, мы не смогли включить в обзор И. Березина.

Например, читатель Г. Случанко из Алма-Аты жаловался, как мучаются садоводы-любители с ручными опрыскивателями и что назрела необходимость в создании портативного легкого электроопрыскивателя.

С этим вопросом редакция журнала «Огонек» обратилась в Министерство электротехнической промышленности СССР.

И вот мы получили ответ заместителя начальника Технического управления министерства В. И. Куколева, в котором он сообщает следующее:

«Техническое управление рассмотрело предложение т. Случанко. На фрунзенском заводе «Киргизэлектродвигатель» Минэлектротехпрома начата разработка электроопрыскивателя для садов и огородов».

Будем надеяться, что еще одна техническая новинка придет на помощь любителям-садоводам.

ЖАННА Д'АРК РЕВОЛЮЦИИ

Время беспощадно, и вряд ли многие знают теперь имя Жанны Лябурб, так много сделавшей для революции и отдавшей за нее свою прекрасную жизнь, полную высоких идей и благородных стремлений. А имя это было в годы интервенции и гражданской войны, по выражению Ленина, «лозунгом борьбы». И вот недавно вышла в свет художественно-документальная повесть Александра Дунаевского «Жанна Лябурб — знакомая и незнакомая». Ее нельзя читать без волнения.

Жанна-Мари Лябурб, родившаяся в 1877 году в городке Лапалис в семье батрака Клода Лябурба, волею судеб оказалась в России, где работала гувернанткой и учила детей французскому языку. Мирная профессия, что и говорить! Но молодая, красивая женщина, дочь Франции, стала под знамя Ленина и сделалась выдающимся борцом за великое дело Октября.

В своей статье, посвященной гибели Жанны, Александра Коллонтай в 1919 году писала: «Жанна Лябурб была учительницей и проживала в Москве. Но все мысли ее, все ее горячее сердце принадлежало великой мировой пролетарской революции. Когда потребовалось послать товарища в Одессу, чтобы повести агитацию среди французских солдат и матросов, Жанна Лябурб решила ехать, хотя и сознавала, с какими опасностями сопряжена сейчас подпольная работа в стане наших врагов — белогвардейцев и империалистов.

Товарищи из французской секции советовали Жанне Лябурб вести себя осторожно, но Жанна Лябурб лишь улыбалась им в ответ: «Ведь умирают лишь раз!»

К началу февраля 1919 года Жанна с небольшой группой своих товарищей прибыла в Одессу. На одесском рейде стояли тяжелые громады французских кораблей. Город был переполнен иностранными солдатами и матросами. К ним и шла бесстрашная Жанна, им она и ее товарищи несли большевистское слово. Кто мог представить, что эта женщина, великолепно говорившая с матросами и солдатами на всех французских диалектах и «арго», — посланец «свирепых большевиков», наводивших ужас на мировую буржуазию? Жанна Лябурб и ее товарищи делали свое дело: то там, то сям вспыхивали бунты среди солдат, отказывавшихся идти на фронт, возникали митинги, где звучали призывы к свержению власть имущих и повелевающих: зерна большевистской правды давали благодатные всходы.

Александр Дунаевский приводит слова Елены Соколовской, сподвижницы Жанны Лябурб по одесскому подполью: «Приезд Жанны, подлинной француженки, находившей наиболее понятные для французов и горячие аргументы в пользу русской революции и поражавшей солдат уж одним фактом существования большевички-француженки, чрезвычайно активизировал работу. Не удивительно, что всего лишь месячная работа Лябурб среди французских солдат привела впоследствии генерала д'Ансельма, командующего французскими силами в Одессе, к откровенному признанию, что половина его армии разложена большевистской агитацией».

Но звезда удачи не горела долго над головой Жанны. Она была схвачена французской контрразведкой и расстреляна вместе с десятью своими товарищами по подполью.

Погибла Жанна д'Арк революции, как назвали ее французские друзья.

Мы о ней знали сравнительно мало. Лев Славин в своей неувядаемой «Интервенции» вывел ее под именем Жанны Барбье, но он не связывал себя документальными подробностями революционной биографии Лябурб. Отдельные статьи и заметки о ней, разбросанные в разных газетах и журналах, молчали под архивными сводами. Годы посвятил Александр Дунаевский собиранию материалов и документов, ездил по всей стране, рылся в старых, пожелтевших комплектах газет, беседовал с сотнями людей, переписывался с заграничными товарищами. Нелегкое дело — добросовестный писательский поиск, когда горы руды надо переворошить, чтобы найти истину!

Кропотливый труд привел к рождению этой книги. Верится, что вызовет она у читателей преклонение перед подвигом пламенной революционерки и чувство благодарности к автору.

Ник. КРУЖКОВ

Александр Дунаевский. Жанна Лябурб — знакомая и незнакомая. М., Политиздат, 1976, 168 стр.

В столовой училища.

А. ГОЛИКОВ,
И. ТУНКЕЛЬ,
специальные корреспонденты «Огонька»

Командир эскадрильи майор Г. Л. Кулешов.

РАССКАЗ О ВЕРТОЛЕТАХ

На краю летного поля стоят военные вертолеты. Лопасти их несущих винтов слегка обвисают, и в вечерних сумерках машины напоминают больших нахохлившихся птиц. Летчики здесь разные: одни очень опытные, другие совсем молодые. Но с кем мы ни говорили, каждый утверждает, что ему досталась лучшая доля — водить военные вертолеты.

НОЧНОЙ ПОЛЕТ

Летчик первого класса полковник Анатолий Моисеевич Логвиненко пришел в авиацию, когда вертолетные части только создавались. Задачи винтокрылых машин были скромные: корректировать огонь артиллерии, доставлять срочные военные грузы, и еще — спасательные работы...

— Тем не менее,— вспоминает Анатолий Моисеевич,— прелесть неторопливого полета на малой высоте, возможность совершить посадку почти в любом месте, романтичность такого полета сразу околдовали. Я служил в Туркестанском военном округе. Вылетишь на рассвете и видишь, как с восходом солнца прямо под тобой преображается пустыня, меняются ее краски. Незабываемы посадки у далеких колодцев, куда на верблюдах можно добраться только за месяц пути... Окончив академию, я вернулся в вертолетную часть... Теперь военные винтокрылые машины возмужали. Уже ни одна современная армия не может обойтись без вертолетов. Они перевозят войска и боевую технику, поддерживают пехоту огнем на поле боя. Сейчас для танка нет опаснее противника, чем боевой вертолет. Его ракетный огонь точен и губителен. Кстати, у нас сегодня на полигоне ракетные стрельбы, полетим — и сами увидите.

...Лопасти несущего винта чертят над головой темное небо. Впереди россыпь огней ночного старта. Гул двигателя усиливается, вертолет словно поднимается на цыпочки и отрывается от земли. Внизу темнеет лес, иногда блеснет под луной речка или водоем. Сзади и сбоку мерцают рубиновыми вспышками бортовые «мигалки» других вертолетов, идущих на полигон.

На земле прямо по курсу показываются три едва приметных огонька. Это мишень. Летчик весь сосредоточился, слышится треск, и реактивные снаряды огненными стрелами метнулись вперед — попадание.

— Военные вертолеты теперь действуют непосредственно с наземными войсками на переднем крае. Влияют на тактику боя, а зачастую и на его исход,— говорил нам потом полковник Логвиненко.— Это приносит большое удовлетворение военному летчику.

ДВА МАЙОРА

Оба они командиры эскадрильи, оба летчики первого класса. Константин Сергеевич Таланов коман-

Из ночного полета.

дует первой, а Герман Леонидович Кулешов — второй. Эскадрильи соревнуются между собой, и майоры ревниво следят за этим соревнованием. Они друзья-соперники. Оба увлекаются парашютизмом. Таланов — мастер спорта, совершил почти тысячу прыжков, Кулешов — триста.

— Чем вас приворожил военный вертолет? — спросили мы у них.

Отвечает майор Таланов:

— Что летать на вертолете — мое призвание, понял не сразу. Мечтал пилотировать бомбардировщики, большие, стратегические. Думал: что в сравнении с ними вертолет! Однако, когда полностью освоил пилотирование винтокрылой машины, узнал, сколь широк диапазон ее применения в военных действиях, какую большую роль она в них играет, понял: это то, что мне нужно.

К тому же... Знаете, вертолет помог мне лучше узнать Родину. Пришлось лететь из Ленинграда во Владивосток. Это не то что на Ил-62, увидишь только аэродромы — взлеты и посадки. А тут вся наша земля прошла у меня перед глазами. Понял, до чего она красива, разнообразна, огромна. На таком большом маршруте убедился в надежности наших вертолетов. Как-то заново почувствовал, что для защиты Родины мне доверено грозное оружие. Это — большое счастье.

А вот ответ майора Кулешова:

— Я сначала летал на истребителях. Нравилось. Высота, скорость, мощное вооружение. Однако волею начальства пришлось переучиваться на вертолетчика. Думал, после истребителя будет все просто, но оказалось сложно. По-моему, хорошо летать на вертолете может человек со спортивной жилкой, упорный, азартный. Когда я по-настоящему научился летать на вертолете, он мне очень понравился. Ощущаешь свою причастность ко всем земным делам, к войскам, к их боевой учебе и заботам. И потом — новизна! Вертолетная авиация быстро развивается, и приходится все время учиться, осваивать то новое вооружение, то новые тактические приемы, то новые формы применения винтокрылых машин. Сейчас для меня нет лучше летательного аппарата, чем военный вертолет.

ЭТО РОМАНТИКА

После полетов мы разговорились с лейтенантом Владимиром Ильичом Малыхиным. Он недавно с отличием закончил Сызранское высшее военное авиационное училище летчиков.

— Первый раз я увидел вертолет еще мальчишкой,— рассказывает лейтенант.— Самолет-то знал, а тут, смотрю, бескрылая машина поднялась в воздух прямо без разбега, с маленькой полянки. Это было удивительно и романтично. Я стал думать, как замечательно летать на таких аппаратах. Ведь можно сесть на горную вершину или на дно пропасти. Можно опуститься в таких местах, куда не ступала еще нога человека.

После десятилетки подал заявление в авиационное училище и на первых порах разочаровался. В неопытных руках вертолет был капризен и непослушен. После учебного полета выходил из кабины, словно из бани. С завистью смотрел, как инструктор без всяких видимых усилий управляет машиной. Думал: так я никогда не научусь. Особенно сложно было зависнуть над заданной точкой. Стараюсь изо всех сил, а вертолет, как назло, мотается во все стороны. И вдруг однажды получилось. Висит мой вертолет над точкой, как пришитый. Вот была радость! Тут я поверил в свои силы, и дело пошло на лад.

— А как сейчас с романтикой, не разочаровались? — спрашиваем мы.

— Ни в коей мере,— отвечает молодой летчик.— Мне, конечно, еще многому надо учиться, но чем лучше летаешь, тем больше ощущаешь и понимаешь прелесть полета на вертолете. А если к тому же удачно отстреляешь или хорошо выполнишь другую боевую работу, удовлетворение полное. Думаю, что все наши летчики немножко романтики.

САМЫЙ СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ

— По нашему «авиационному летосчислению» я уже не молод,— с улыбкой говорит подполковник Анатолий Андреевич Бондаренко.— За плечами четверть века летной работы. Всякое за это время бывало. Порой очень нелегко приходилось. Служил на Дальнем Востоке, в Средней Азии. Но если бы сейчас довелось заново выбирать профессию, не задумался бы — выбрал старую.

— А какой полет вам больше всего запомнился?

— Это было на Дальнем Востоке,— закуривая сигарету, отвечает Анатолий Андреевич.— Полет был, так сказать, не военный. Ведь наши вертолеты могут не только разить врага, но и спасать людей. Тогда несколько дней подряд шли проливные дожди, небольшие речки вздулись, начался редкий в тех местах паводок. Под угрозой оказался станционный поселок, и мы были подняты по тревоге.

Подлетаем к поселку, а он уже как на острове. Нашли подходящее место для посадки и стали вывозить людей. Работали быстро, но вода, вопреки прогнозам, прибывала еще быстрее. Когда прилетели за последними, то они уже сидели на крышах. Улица превратилась в глубокий и быстрый поток.

Я подвел вертолет к крыше, на которой спасалась женщина с целой кучей ребятишек. Самого маленького держала на руках. Стали принимать на борт детей, как вдруг крыша тронулась с места и поплыла в желтом, пенистом потоке. Я двинулся вслед за ней, соизмеряя скорость вертолета с движением крыши. И тут с ужасом увидел, что впереди поток устремляется в какую-то котловину, образуя своеобразный водопад. Крыша в нем неминуемо перевернется.

Увидела опасность и женщина, она что-то кричала, спешно передавая нам своих детей, которых у нее оказалось девять. Забираем последнего мальчишку, а крыша уже кренится. Следуя за потоком воды, я еще снизил вертолет, второй пилот с борттехником подхватили женщину, и в тот же момент крыша перевернулась.

На другой день эта женщина пришла к нам со всеми своими детьми. Она сказала спасибо, хотела еще что-то сказать, но не смогла и заплакала. Да и у меня комок к горлу подступил. Это был самый памятный, самый счастливый день в моей работе военного летчика.

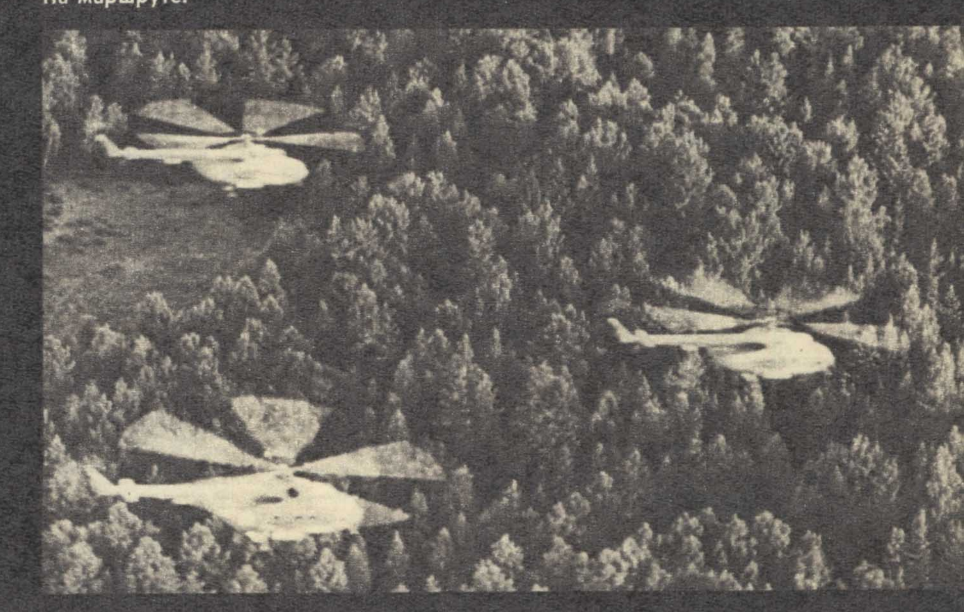

Эвакуация истребителя.

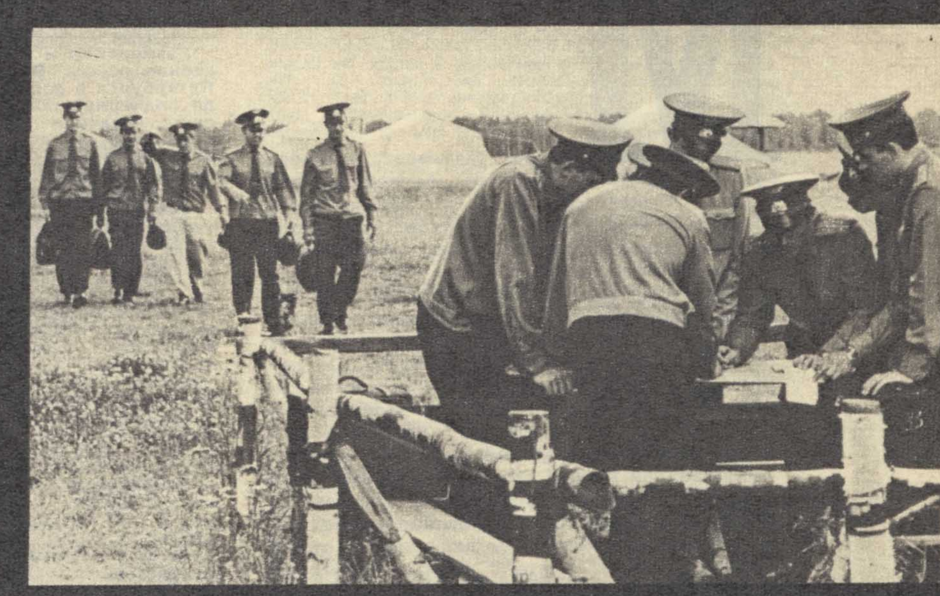

Летчик первого класса полковник А. М. Логвиненко.

На маршруте.

После вылета.

Ракетный выстрел.

Десант с вертолетов.

СЫНЫ ОТРАЖ

страницы минувшего

Владимир ЕНИШЕРЛОВ

...Коротенький обрывок рода —
Два-три звена,— и уж ясны
Заветы темной старины;
Созрела новая порода,—
Угль превращается в алмаз.

Александр БЛОК

Многое связывает великого русского поэта Александра Александровича Блока с московской землей, но прежде всего Шахматово — небольшая усадьба его деда Андрея Николаевича Бекетова, затерявшаяся среди холмов, полей и лесов Подмосковья. Сюда летом 1881 года привез профессор Бекетов свою дочь Алю с шестимесячным сыном Сашурой из шумного Петербурга, и с этих пор вошло Шахматово в жизнь Блока. Он любил Шахматово, да и трудно было устоять перед благоуханным очарованием этой крохотной усадьбы, расположенной на холме над полноводной тогда речкой Лутосней.

Заповедная тишина этого прекрасного места прельстила Андрея Николаевича Бекетова, и он купил Шахматово на небольшое наследство, полученное от пензенского дядюшки. Смотреть имение ездили вместе с другом Дмитрием Ивановичем Менделеевым — великим русским химиком, уже обосновавшимся неподалеку, в усадьбе Боблово.

«Очень у нас тут хорошо,— читаем мы в сохранившемся письме матери Блока,— дни стоят серые, свежие, тихие, но так все красиво, что об отъезде и думать не хочется. Проживем тут сколько можем. А сегодня светлый день и потянуло уже к морозу. Мы с Францем (отчим А. Блока.— **В. Е.**) ходили в Тараканово. Там широкие дороги, вокруг золотые леса. Очень чувствуется Россия».

Помещенные в очерке фотографии и репродукции картин публикуются впервые.

С высокого, поросшего старыми липами, березами и елями холма открывалась взору «непонятная ширь без конца». Много позже поэт прорезал в мезонине большое итальянское окно, перед которым распахнулась вся окрестность, вырубил с двоюродным братом Андреем березовую рощу на холме. Старшие Бекетовы вначале были в ужасе от такого вандализма, но впоследствии сами радовались, так как открылся еще более широкий и далекий вид.

И дверь звенящая балкона
Открылась в липы и в сирень,
И в синий купол небосклона,
И в лень окрестных деревень.

Именно здесь поэт понял и полюбил Россию, свою родину, с ее убогими хатами, белеющими на возвышенностях церквами, полями с несжатым хлебом, «преданьями старины глубокой». Шахматово практически единственное место, где общался Блок с деревенской Русью. Здесь же учился он языку деревьев, трав, цветов, бродя по ближним и дальним лугам, лесам и болотам или объезжая окрестности верхом.

В неопубликованных полностью воспоминаниях двоюродный брат Блока Феликс Адамович Кублицкий, почти четверть века живший вместе с ним в Шахматове, писал: «Глубоко понимал и любил Саша русскую деревню и русскую природу, мирную, кроткую, тихую природу средней и северной России, природу Пушкина, Тургенева, Фета. Про него можно было сказать словами поэта:

С природой одною он жизнью дышал:
Ручья разумел лепетанье,
И говор древесных листов понимал,
И чувствовал трав прозябанье...

Это чувство как частица его любви к России и ко всему русскому осталась у него навсегда, и, когда он уже совершенно окунулся в городскую жизнь, оно еще жило в нем воспоминаниями о счастливом детстве, отрочестве, юности».

Размеренно и неторопливо текла летом усадебная жизнь. Вначале обычно приезжали из Петербурга в деревню старшие Бекетовы (всегда подчеркивалось, что «в деревню», а не «на дачу»,— дачная жизнь считалась синонимом пошлости), а затем съезжались и остальные обитатели Шахматова. К середине июня за большим столом под липами у самовара собиралась вся бекетовская семья.

Семья Бекетовых, давшая за века российской науке, просвещению и литературе немало замечательных людей, сыграла определяющую роль в формировании личности Александра Блока. Поэт почти не знал своего отца и мало общался с семьей Блоков, этими типичными представителями петербургского чиновничьего мира. Лишь после смерти отца, Александра Львовича Блока, поэт стал задумываться над сложным и трагическим характером этого необычайного человека, но при жизни ни отец, ни его семья не играли никакой видимой роли в судьбе А. Блока. Взрастила же будущего великого национального поэта России семья матери, с чьей стороны «в роду — все русское, коренное, гиперболически русское». В уже цитировавшихся воспоминаниях Ф. Кублицкий пишет: «Одной из отличительных черт Саши Блока была искренняя и глубокая любовь ко всему русскому и недружественное, иногда даже неприязненное чувство к «загранице». Русская литература и поэзия, русское искусство, русская природа и деревня были его идеалами и любимцами. При этом, конечно, совершенно отсутствовали какие-либо намеки на «квасной патриотизм», который жестоко осуждался и презирался в бекетовской семье».

И если историю русской культуры и науки рассматривать не только как эволюцию идей, но всматриваться в лица, прослеживать «не случайную смену людей», то история предков Александра Блока представляется весьма любопытной.

«Семья моей матери причастна к литературе и к науке» — этими словами открывается автобиография Блока. Переносясь мысленно в глубь русской истории, мы встретим там многих Бекетовых — предков поэта. Имя стрелецкого сотника «енисейского сына боярского» Петра Бекетова не затеряется среди славных имен российских землепроходцев. Он строил якутский острожец, а в 1629 году, двигаясь с отрядом казаков вверх по Ангаре, преодолел Падунский порог и впервые достиг «брацкой землицы». Благодаря уму и ярко выраженным дипломатическим способностям миром склонил Петр Бекетов бурятских князей в подданство русскому царю. Современный Братск хранит память об отважном русском, первым вступившем на его землю.

Довольно типичной фигурой для середины XVIII века был Никита Афанасьевич Бекетов, сын симбирского воеводы, дядя известного поэта И. И. Дмитриева, на склоне лет — астраханский губернатор, сделавший немало для благоденствия этого края. Н. А. Бекетов писал стихи, был автором трагедии на античные темы, увлекался театром, его игрой на сцене восхищались современники, называвшие его «первым лицедеем из симбирян». Родоначальник русского театра Ф. Г. Волков говорил: «Увидя Никиту Афанасьевича Бекетова в роли Синава, я пришел в такое восхищение, что не знал, где был, на земле или на небесах. Тут родилась во мне мысль завести свой театр в Ярославле».

А в начале стремительного XX века далекий потомок Никиты Афанасьевича, русский поэт Александр Блок, размышляя о роли театра в своей судьбе, записал: «Долгая замкнутость в самом себе создала отчужденность от людей и мира, но освобождение наступает, надеюсь, хотя и медленно. Думаю, что ему особенно способствует с ранних лет зреющая любовь к театру». Так через века протягиваются незримые нити и начинают проясняться истоки таланта Блока.

Бекетовы были в родстве с Аксаковыми, Тургеневыми. Родственник Карамзина, двоюродный брат И. И. Дмитриева, Платон Петрович Бекетов считался одним из образованнейших людей своего времени. Известный всей России библиофил, коллекционер и меценат, он собирал и подготавливал издание портретов знаменитых россиян. В своем доме на Кузнецком мосту в Москве Платон Бекетов в 1801 году оборудовал типографию и открыл книжную лавку, где собирались писатели, художники. Это был, по-видимому, один из первых своеобразных творческих клубов. Следуя в издательской деятельности традициям просветителя XVIII столетия И. А. Новикова, Бекетов за одиннадцать лет издал произведения всех видных писателей того времени и дважды, несмотря на запрет, книги Радищева. В 1811 году его избирают председателем «Общества Истории и Древностей Российских», основанного при Московском университете.

Прапрадеду Блока пензенскому прокурору А. М. Бекетову посвятил несколько страниц своих воспоминаний один из интереснейших мемуаристов XIX века, язвительный и умный Ф. Ф. Вигель: «...На обратном пути остановился я переночевать в селе Бекетовка, принадлежавшем Алексею Матвеевичу Бекетову... Жизнь Алексея Матвеевича Б. и сам он похожи были на те образцовые письма, которые можно находить в письмовниках: слог чист, все правильно, и все формы соблюдены. Он не был ни скуп, ни мотоват, ни с кем не заносчив, ни подобострастен, имел хороший рассудок, хорошее состояние — всего вдоволь, ничего лишнего. В Пензе, переполненной тогда одними чудаками, совершенное отсутствие оригинальности одно только делало его оригинальным».

«Недурственная», как любили сказать прежде, характеристика. Она подтверждает известное правило, что нет правил без исключений...

Прадед Александра Блока Николай Алексеевич Бекетов с братом Дмитрием Алексеевичем считались богатейшими помещиками Пензенской губернии. Многие современники с восторгом отзывались об Алферьевке (она же Бекетовка), родовом селе Бекетовых, с его двумя прудами, аккуратными хатами, двухэтажным господским домом, к которому примыкал старинный парк. Образ жизни братьев Бекетовых, их просвещенность, гуманность привели в восторг известного поэта П. Вяземского, проездом

ЕНЫ В ОТЦАХ...

Н. А. Бекетов — прадед поэта. Художник Я. Яненко. 1827 год.

Братья Бекетовы — Николай Николаевич, Алексей Николаевич, Андрей Николаевич. Снимок 1880-х годов.

А. Блок-гимназист с двоюродными братьями в Шахматове. Снимок 1892 года.

А. Блок с женой и двоюродными братьями Феликсом и Андреем Кублицкими в Шахматове. Снимок 1907 года.

Церковь в селе Тараканово.
Художник Гродзевский. 1943 год.

Шахматово. Рис. Е. Бекетовой. 1882 год

гостившего в бекетовском доме. Николай Алексеевич Бекетов служил в молодости на флоте, плавал в эскадре адмирала Сенявина, но рано вышел в отставку мичманом и поселился в деревне, женившись на племяннице декабриста Якушкина. Прадед Блока всю жизнь внимательнейшим образом следил за литературой, особенно французской, дружил с Баратынским, Давыдсвым, Вяземским. Дед Александра Блока пишет в неопубликованной автобиографии, что отец его встречался с А. С. Пушкиным и вообще близок был тогдашнему литературному кругу.

Брат Николая Алексеевича — Дмитрий, тот самый пензенский дядюшка, на наследство которого дед Блока позже приобрел Шахматово, был старинным приятелем и сослуживцем поэта-партизана Дениса Давыдова. Молодой ахтырский гусар, бесстрашный поручик Митенька Бекетов одним из первых офицеров вступил в партизанскую партию Давыдова, участвовал в разгроме французов, а оставив после войны армию, переселился к брату и целиком отдался занятиям наукой. Опыты, которые проводил он в своей домашней лаборатории, не могли не заинтересовать его юных племянников, и не в этом ли следует искать причину того, что двое детей Николая Алексеевича Бекетова стали видными русскими учеными. К сожалению, в галерее портретов участников Отечественной войны 1812 года мы не увидим изображения Дмитрия Бекетова, нет его и в музее «Бородинская панорама» и в музее, расположенном на Бородинском поле. Известно лишь, что в 1946 году портрет этот продавался в Москве и попал в частную коллекцию. Возможно, когда-либо он обнаружится и займет место среди портретов доблестных русских воинов — героев 1812 года, а быть может, со временем мы увидим его в возрожденном блоковском Шахматове.

Денис Давыдов бывал частым гостем в доме Бекетовых. 13 октября 1836 года он писал Пушкину: «Я ездил с собаками в Пензенской губернии с старинным моим подкомандующим 1812 года Бекетовым». Шутливое стихотворение, посвященное Давыдовым Дмитрию Алексеевичу, Пушкин напечатал в «Современнике»:

О ты, убивший жизнь в ученом кабинете,
Скажи мне: сколько чуд считается на свете?
— Семь.— Нет: осьмое ты, педант мой дорогой,
Девятое — твой нос, нос сизо-красноватый,
Что, так спесиво приподнятый,
Стоит, украшенный табачною ноздрей!

В доме братьев Бекетовых познакомился Денис Давыдов с их племянницей, кузиной деда Блока Евгенией Золотаревой. «Молодая девушка, выдающегося ума и образованная, красавица»,— сообщал о ней современник. Давыдов, уже давно не писавший стихов, вновь вспомнил о своей музе. Никогда не писал он так много, как в 1834 году, когда встретился с Золотаревой. «Знаешь ли, что струны сердца моего опять прозвучали? На днях я написал много стихов, так и брызгало ими»,— писал Давыдов Пушкину после пензенской зимы 1833/34 года. «Я теперь в восторге поэтическом. Золотарева как будто прорыла заглохший источник. Последние стихи, сам скажу, что хороши»,— читаем мы в письме Дениса Давыдова Вяземскому. Чудесные стихи, посвященные племяннице Бекетовых, вызвали в свое время восторженную оценку Белинского. Вряд ли и теперь оставят кого-либо равнодушными строки:

Жестокий друг, за что мученье?
Зачем приманка милых слов?
Зачем в глазах твоих любовь,
А в сердце гнев и нетерпенье?
Но будь покойна только ты,
А я, на горе обреченный,
Я оставляю все мечты
Моей души развороченной...
И этот край очарованья,
Где столько был судьбой гоним,
Где я любил, не быв любим,
Где я страдал без сострадания...

Видимо, в семейных преданиях доходили до Блока отзвуки этого «поэтического» романа. Наверное, читал он и опубликованные единственный раз в журнале «Исторический вестник»

№ 7 за 1890 год, хранившемся в бекетовской библиотеке, письма Дениса Давыдова его двоюродной бабке. Письма эти (переписка велась на французском языке) красноречиво характеризуют мир, в котором жили предки поэта. Письма Давыдова часто сентиментальны — он сознает, что это его последняя любовь, и горько сетует, что не получает взаимности. Евгения Золотарева боялась этой переписки, что весьма понятно для девушки того времени и ее круга. Давыдов уверяет ее в своей скромности, а в ответ на сомнения он с лихостью отставного гусара пишет, что может только ей простить сомнение в его слове, а то каждого он заставил бы верить ему. В выписанном Давыдовым отрывке из несохранившегося письма Золотаревой она замечает: «Страстный язык, которым вы выражаетесь, заставляет меня трепетать, зачем отравлять всю прелесть этой переписки, которая меня так восхищает».

В некоторых письмах Давыдова встречаются отголоски сведений о литературной жизни эпохи, указания на посылку в Пензу книг, нот. «Вы всегда говорили мне, что из романов вы любите всегда менее игривые. Я писал так моему поставщику... и он мне прислал один из знаменитых А. Дюма. Я не знаю, достоин ли он быть вам предложенным, я его не читал, так как получил только вчера, а сегодня посылаю вам. Так же посылаю повести Пушкина, прочтите их, я уверен, что вы их будете ставить гораздо выше Павлова. Особенно «Выстрел», который Пушкин сам мне читал много раз, и я перечитываю его с большим удовольствием».

Почти все последние стихи Давыдова вдохновлены Золотаревой, как и эти строки:

Я вас люблю без страха, опасенья
Ни неба, ни земли, ни Пензы, ни Москвы,
Я мог бы вас любить, глухим, лишенным
зренья...
Я вас люблю затем, что это — Вы!

Роман с юной Евгенией близился к концу. Она была уже невестой, и ею был дан первый толчок к прекращению переписки. «Все кончено для меня,— пишет Давыдов,— нет настоящего, нет будущего! Мне осталось только прошлое и все оно заключено в этих письмах, которые я вам писал в течение двух с половиною лет счастья».

...Все это может показаться
Смешным и устарелым нам,
Но, право, может только хам
Над русской жизнью издеваться.

Так писал позже сам Александр Блок.

Роман Дениса Давыдова с племянницей Бекетовых не мог не оставить свой след в душе поэта, как остался этот след в русской литературе. И мы, вспоминая о нем, вновь задумываемся, как причудливо переплетаются порой в истории народа пути и судьбы его лучших представителей.

Братья Бекетовы вели жизнь, типичную для просвещенного русского дворянства первой половины XIX века. Но ветшали родовые гнезда, уходила в прошлое эпоха упоительной патриархальности, и дети в реальной жизни искали применение культуре, накопленной предками. Лишь воспоминание о прежнем быте оставил своим детям Н. А. Бекетов, и все они нашли место в созидательной деятельности.

В том самом доме, где Давыдов познакомился с Золотаревой, в селе Алферьевка, что при верхнем течении реки Хопер, родилось у Николая Алексеевича Бекетова четверо детей — три сына и дочь. Это уже то звено бекетовского рода, с которым непосредственно общался Александр Блок.

Дочь Николая Алексеевича Анна после окончания Смольного института в Петербурге, где увлекалась литературой и историей (до нас дошли очень интересные ее записи по русской литературе XIX века и истории России), вернулась к отцу в Пензу. Она рано умерла, и ее дети — сын и дочь — воспитывались и жили в Петербурге в семье деда Блока.

Старший сын Н. А. Бекетова, Алексей, учился в Петербурге, в Главном Инженерном училище, был товарищем Федора Достоевского. Алексей Николаевич познакомил Достоевского со своими братьями. Молодые люди близко сошлись. Ф. М. Достоевский писал брату 26 ноября 1846 года: «Добрые друзья Бекетовы меня вылечили своим обществом. Наконец я предложил жить вместе. Нашлась квартира, и все издержки, по всем частям хозяйства все не превышают 1200 рублей ассигнациями с человека в год. Так велики благодеяния ассоциации!»

У Бекетовых в Петербурге сходилась прогрессивно настроенная молодежь, увлекавшаяся социалистическими идеями Фурье. Д. В. Григорович вспоминал, что во время этих собраний «везде слышался негодующий благородный порыв против угнетения и несправедливости». В 1847 году отец забрал братьев из Петербургского университета и перевел их учиться в Казань. Встречи прекратились, но отдельные их участники (Достоевский, Плещеев, Ханыков и др.) сблизились с кружком Петрашевского. Разошлись и пути Бекетовых с Достоевским, но и десятилетия не стерли памяти о молодой дружбе.

«...Не забыл я вас,— писал Н. Н. Бекетов 23 февраля 1877 года Ф. М. Достоевскому по поводу «Дневника писателя»,— хотя мне было всего 19 лет, когда я с вами расстался — с тех пор вы все продолжали ваш неустанный труд изучения человеческой души; чтение ваших произведений — это беседа с собственной совестью — до того они имеют общечеловеческий, всеобъемлющий смысл. Прекрасная явилась у вас мысль делиться с публикой своим душевным сознанием всего творящегося вокруг нас». Сохранилось в рукописном отделе Государственной библиотеки имени В. И. Ленина и еще одно письмо Н. Н. Бекетова Ф. М. Достоевскому. Он писал 18 августа 1878 года: «Многоуважаемый Федор Михайлович! Как отрадно было мне получить от вас письмо и убедиться, что связь с прошлым между нами еще не порвана. У меня, как и у вас, в памяти о прожитом удержалось одно лучшее, т. е. одно положительное, и ваша личность всегда выступала ясно и отчетливо на этом отдаленном фоне...»

Алексей Николаевич Бекетов после окончания училища посвятил себя земской деятельности в Пензе. Отличался он столь мягким нравом, что даже едкий на язык Салтыков-Щедрин прозвал его «Незабудкой». Поездка в имение Алексея Николаевича Бекетова — Урлейку — одно из немногих путешествий Александра Блока по России. Он ездил туда в 1890 году с матерью и отчимом.

Николай Николаевич (упомянутый выше в связи с его письмом к Достоевскому), второй брат деда Блока, уже в юности определил свое предназначение. После окончания гимназии он обратился к отцу с письмом: «Дорогой отец. Поверьте, насколько трудно дается мне письмо к Вам: нынешним приездом любезный брат мой подтвердил Вашу волю, да и Вы неоднократно твердили Вашу волю и достаточно ясно указывали, что желаете видеть меня военным. Очень долго думал я над решением судьбы своей и хочу поделиться с Вами... В пансионе у меня уже выявилось тяготение к естественным наукам. Я отдавал им все свое свободное время, бывая счастлив и не чувствуя усталости. Очень прошу Вас не гневаться и примириться с мыслью, что я не буду военным, ибо назначение свое чувствую в служении науке».

Нет, не ошибался Блок, когда писал в поэме «Возмездие» о семье Бекетовых:

И дух естественных наук
Здесь был религии подобен.

Более шестидесяти лет отдал научной деятельности академик Н. Н. Бекетов. Его работы составили эпоху в развитии химической физики. «В Харьковском университете,— писал К. А. Тимирязев,— Н. Н. Бекетов своими совершенно оригинальными работами из пограничной области химии и физики также обратил на себя внимание не одних только русских химиков». Историки науки считают его прямым продолжателем дела М. В. Ломоносова. В своей научной деятельности Бекетов опередил время. Как сказал один из его учеников: «Такие деятели не всегда бывают поняты современниками», а другой продолжил: «Не знаю, были ли у Николая Николаевича враги, но знаю, что ни разу не слышал дурного отзыва о той или иной деятельности Бекетова, имя которого будет стоять в истории науки рядом с именами Менделеева и Бутлерова».

Блок встречался с Н. Н. Бекетовым в Петербурге, наезжал тот и в Шахматово, и общение с этим выдающимся ученым, прогрессивно мыслящим человеком не могло не повлиять на формирование мировоззрения поэта. В дневнике 1918 года А. Блок с мрачной иронией вспоминает о той нудной «аполитичности», с которой слушал он разговоры о политических событиях в доме Николая Николаевича Бекетова. Когда в 1911 году Н. Н. Бекетов скончался, последним из братьев, Блок записал в дневнике: «30 ноября. Сегодня ночью скончался дядя Николай. Конец Бекетовского рода. 1 декабря. Сегодня вторая годовщина смерти отца. Может быть, и объявлено об этом в «Новом времени» или подобной помойной яме. Но я иду на другую панихиду. На вчерашней панихиде, несмотря на мерзость попов и певчих, было хорошо; неуютно лежит маленький, седой и милый старик. Последние крохи дворянства — Василий на козлах; простые, измученные Бекетовские лица; истинная, почти уже нигде не существующая скромность».

Самым ярким и способным из братьев Бекетовых был Андрей Николаевич, дед Александра Блока. Вначале учился он на восточном факультете Петербургского университета, затем оставил его и решил стать военным, но, будучи по натуре совершенно не расположен к военной деятельности, с удовольствием ее бросил и, как многие молодые умы стремительных шестидесятых годов, занялся естествознанием. Его известнейший ученик К. А. Тимирязев писал об этом времени: «Не пробудись наше общество вообще к новой кипучей деятельности, может быть, Менделеев и Цешковский скоротали бы свой век учителями в Симферополе и Ярославле, правовед Ковалевский был бы прокурором, юнкер Бекетов — эскадронным командиром, а сапер Сеченов рыл бы траншеи по всем правилам своего искусства».

Профессор-ботаник, ректор Петербургского университета в годы его расцвета (А. Блок и родился в ректорском доме), Андрей Николаевич Бекетов, 150-летие со дня рождения которого отмечалось в декабре минувшего года, не пользовался симпатией в высших сферах. У властей имел он репутацию Робеспьера. Кстати, из-за этого Высшие женские курсы носили название Бестужевских, по имени первого их директора — благонамеренно настроенного профессора К. Н. Бестужева-Рюмина,— а не Бекетовских, хотя среди основателей и вдохновителей высшего женского образования в России одним из первых стоит имя деда Александра Блока.

В неопубликованных воспоминаниях О. К. Недзвецкая пишет: «Помню, как в обществе взаимопомощи окончивших Высшие женские курсы откуда-то узнали про мое родство с Андреем Николаевичем, и все его соратники по части организации высшего женского образования в России стали мне говорить, что несправедливо, что ВЖК часто называют «Бестужевскими», что Бестужев был назначенным директором курсов и что название «Бекетовские» было бы гораздо более правильным. У них — я это почувствовала по отношению к себе — сохранилось светлое воспоминание о Сашурином деде».

Живой, обаятельный, остроумный А. Н. Бекетов привлекал к себе в дом студентов, совершенно не считаясь с положением приглашенных «в обществе». По-видимому, разносторонняя талантливость, доброта и благородство притягивали молодежь к Бекетову. И не было у неспокойных студентов Петербургского университета лучшего защитника перед властями, чем их седобородый ректор. В особо ответственных случаях надевал он ордена и отправлялся один, а иногда и с другом Д. И. Менделеевым хлопотать за «бунтарей». И не раз удавалось Андрею Николаевичу вызволять из беды своих питомцев во время студенческих волнений.

Очень любил деда юный Блок. В поисках редких растений целыми днями бродили они по шахматовским окрестностям, и в этих путешествиях дед учил внука основам ботаники. Второй, неожиданный для многих современников Блока сборник его стихов — «Нечаянная радость» — несет явственный отзвук общения поэта с природой, начало которому положил в раннем детстве его дед.

Золотисты лица купальниц.
Их стебель влажен.
Это вышли молчальницы
Поступью важной
В лесные душистые скважины.

Книги, письма, рисунки, стихи Андрея Николаевича раскрывают перед нами фигуру необычайно даровитую, многогранную, представителя того мудрого поколения ученых, когда ценилась не просто «наука для науки», а наука как средство развития личности. А. Н. Бекетов — одна из самых ярких фигур лучшей части русской интеллигенции, составляющей славу нашей истории.

Александр Блок писал о своем деде: «Он принадлежал к тем идеалистам чистой воды, которых наше время уже почти не знает. Собственно, нам уже непонятны своеобразные и часто анекдотические рассказы о таких дворянах-шестидесятниках, как Салтыков-Щедрин или мой дед, об их отношении к императору Александру II, о собраниях Литературного фонда, о борелевских обедах, о хорошем французском и русском языке, об учащейся молодежи конца семидесятых годов. Вся эта эпоха русской истории отошла безвозвратно, пафос ее утрачен, и самый ритм показался бы нам чрезвычайно неторопливым».

Образ Андрея Николаевича обаятелен в поэме «Возмездие»:

Глава семьи — сороковых
Годов соратник; он поныне,
В числе людей передовых,
Хранит гражданские святыни,
Он с николаевских времен
Стоит на страже просвещенья,
Но в буднях нового движенья
Немного заплутался он...
Тургеневская безмятежность
Ему сродни...

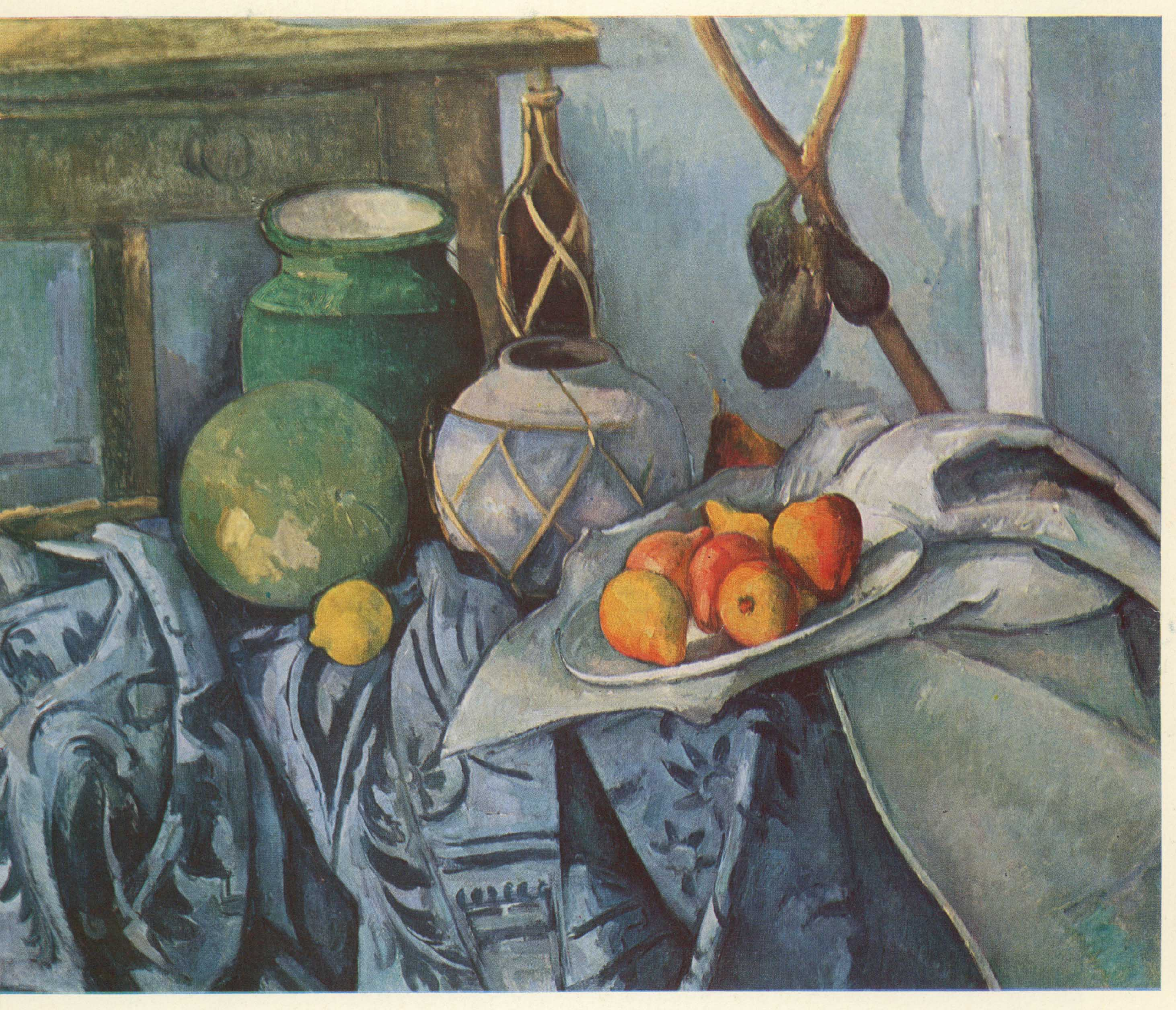
Таким был дед Александра Блока, собравший вокруг себя в Шахматове последнее звено бекетовского рода.

...До сих пор в двух километрах от того места, где когда-то было Шахматово, исчезнувшее с лица земли в 1921 году, в селе Тараканово белеют развалины старинной, екатерининских времен церкви — единственного рукотворного свидетеля жизни Бекетовых в этом сказочно прекрасном уголке Подмосковья. Здесь в самом начале века отпевали Андрея Николаевича Бекетова, выдающегося русского ученого и гражданина, девиз всей жизни которого был: «Дать русскому народу света, больше света».

Пабло Пикассо. 1881—1973. ЖЕНЩИНА В БЕЛОМ. Около 1923.

Музей Метрополитен. Нью-Йорк.

Поль Сезанн. 1839—1906. НАТЮРМОРТ С КУВШИНОМ И БАКЛАЖАНАМИ. Около 1890. Музей Метрополитен. Нью-Йорк.

Николай СИЗОВ

ИЗ ЦИКЛА «НЕВЫДУМАННЫЕ РАССКАЗЫ»

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Советские читатели хорошо знакомы с творчеством писателя Николая Трофимовича Сизова, недавно отметившего свое шестидесятилетие. Он автор романов «Трудные годы», «Наследники», сборников повестей, рассказов и очерков «Сердца беспокойные. Арбат и Селенга», «У последней черты. Пять писем и телеграмма», «Невыдуманные рассказы» и других.

В произведениях Н. Т. Сизова раскрывается полнокровная жизнь наших современников, в которой есть место счастью и печали, ошибкам и радости их преодоления, а главное — вдохновенному труду народа, преображающему мир.

Сюжеты своих книг писатель черпает из реальной действительности. Нередко он обращается к трудной и благородной работе людей, которым доверено охранять законность и справедливость, бороться со всем, что мешает нам строить новую жизнь. Этой теме посвящен и публикуемый рассказ.

Коралловая брошь

В кабинет к следователю прокуратуры советнику юстиции Кудимову вошел дежурный.

— Вам пакет из Сосновки. Из дачной конторы.

В пакете было письмо и небольшая, покрытая бархатом коробка. Советник отложил коробку в сторону и развернул послание начальника дачной конторы. Он писал, что бригада, ведущая ремонт на даче № 40, за наличником окна спальни нашла прилагаемый сувенир. Рабочие просили отправить его в прокуратуру: может, он имеет какое-то отношение к истории, случившейся на даче? Еще начальник конторы просил решить вопрос с сараем. Основной владелец дачи, гражданка Фомина, хочет сараем пользоваться, а он, как известно, заперт, опечатан сургучной печатью, и без указания следственных властей контора открыть его не может.

Кудимов отложил письмо и взял коробку. Там лежала коралловая брошь. Вещица была отличная. Руки человека превратили прекрасный дар моря, ветку коралла, в подлинно художественное произведение. Искусно выточенные из целого куска светло-розового камня лепестки развернулись, как роскошный цветок, который казался трепетным, живым. Тонкий золотой стебель, к которому крепилась роза, и нежные листья из зеленого нефрита лишь усиливали впечатление от этого яркого и оригинального украшения.

«С большим вкусом был мастер»,— подумал Кудимов, убирая брошь в футляр. Когда он пристраивал ее в упругую скобку-держатель, картонка, покрывающая дно футляра, приподнялась, и под ней забелел небольшой, аккуратно вырезанный квадратик твердой, лощеной бумаги. Кудимов вытащил его. На бумажном прямоугольнике каллиграфическим почерком было написано: «Милому Галчонку на память о чудесных встречах. М. Б.».

Кудимов водворил картонку на место, медленно закрыл футляр, еще раз перечитал письмо начальника дачной конторы и задумался. Что это за брошь? Почему была так тщательно спрятана? Кому принадлежит? Может ли она иметь какое-либо отношение к трагедии с инженером Нечаевым? Кто это «Галчонок» и кто «М. Б.»? Кудимов снял трубку и позвонил капитану Снежкову, с которым они вели дело, связанное с гибелью инженера Нечаева.

— Капитан? Жив-здоров? Все в норме? Очень хорошо. Ты смог бы заехать ко мне? Дело есть, хочу тебе один сувенир показать.

Снежков приехал вскоре. Повертев в руках брошку, прочтя записку, проговорил:

— Изящная вещица. Видимо, больших денег стоит.

— Наверное. И обнаружена она в спальне Нечаевых. Вот так.

— Чей-нибудь подарок.

— Согласен. Но не мужа. Его-то, как известно, звали Владимиром. А тут «М. Б.».

— Да, пожалуй.

— Именно поэтому брошь оказалась тщательно спрятанной. Ее нашли рабочие за внутренним наличником окна. — Помолчав, Кудимов добавил: — Не нравится мне все это. Уж не поспешили ли мы с окончанием следствия?

— Подожди, подожди, советник. Очень уж ты спешишь. Ну брошь, ну записка. А может, все это к случаю с Нечаевым не имеет никакого отношения?

— Допустим. Но Галчонок — это ведь уменьшительное, ласкательное от Галины? Так?

— Похоже.

— Я тоже так думаю. И брошка, по всей видимости, принадлежит Галине Нечаевой.

— Если учесть, что до Нечаевых Фомина дачу никому не сдавала, то пожалуй...

— Вот именно. И знаешь, что-то неспокойно у меня на душе. Докопались ли мы до истины?

— Да что вы, Павел Степанович! Ни у кого даже тени сомнения не возникло. И заключения экспертов, и показания свидетелей, наконец, обстоятельства, факты — все сводится к одному: несчастный случай. А вы все еще сомневаетесь. Да и кого тут заподозрить можно? Врагов у Нечаева не было, Фоминой это ни к чему. Ну, а жене тем более. Показания, как вы сами отмечали, четкие, ясные, уверенные.

— Показания действительно четкие, это верно. Только все ли так было, как гражданка Нечаева поведала? И как свидетели подтвердили? Вот это-то меня и мучает.

— А какой резон им говорить неправду? Просто нелогично.

— Бывают, капитан, такие ситуации, в которых человек действует не только не в ладу с логикой, а вопреки ей. А кроме того, у каждого бывает своя логика. Теперь вот вполне можно предположить, что Нечаева преподнесла нам свою собственную версию событий. А мы приняли ее за истину. Могло так быть?

— Ну, не знаю. Не уверен в этом. По-моему, дело это вполне ясное.

— Я тоже хочу так думать. И фактов, чтобы не согласиться с тобой, у меня пока нет. Вот только разве эта коралловая брошь?

— Так что же, будем все ворошить вновь? — спросил Снежков.

— Я запрошу дело, почитаю. Потом позвоню. Но не исключено, что ворошить придется.

...Показания жены погибшего — Галины Нечаевой, ее ответы на вопросы следователя Кудимов читал особенно тщательно. И вновь отметил их лаконизм, четкость и деловитость. Но это же и настораживало. То, что Нечаева скупо говорила о своих отношениях с мужем, о различных деталях их семейной жизни, было объяснимо. Но поражало какое-то холодное, равнодушное отношение к свершившейся трагедии.

«— Когда погас свет,— читал Кудимов,— я крикнула ему, чтобы занялся пробками, иначе всю ночь в темноте сидеть будем. Он пошел проверять, но пробки оказались в порядке. Тогда полез на силовой столб осматривать провода. И тут вдруг вспышка, его крик. Я выбежала — он уже на земле лежит. Мы с соседкой стали звонить в «Скорую»... Вот, собственно, и все.

— Судя по материалам, вы жили с мужем не очень-то дружно?

— Не очень, согласна. Но к делу это, как я полагаю, не относится?

— И все же. В этот вечер размолвка тоже была?

— Сказала я ему пару теплых слов, когда он возился с пробками. За то, что поздно пришел. На работе так долго не задерживаются.

— У вас были основания для каких-то подозрений?

— Конечно, были. На вашего брата мужчин полагаться нельзя. Не успеешь оглянуться — уже роман. А около него девчонок было полно. И в цеху и в их самодеятельном театре.

— И как он реагировал на эти несколько «теплых слов»?

— Да никак. Из равновесия больше выходила я. Он же непробиваемый был. А если выпьет, так и вовсе. Только улыбается, как блаженный.

— Выпивал он часто?

— Последнее время часто. И в этот вечер навеселе приехал.

— А экспертиза этого, однако, не установила.

— Не знаю уж, как там ваша экспертиза, а я запах спиртного за версту чую...»

Кудимов закрыл папку, со вздохом отодвинул ее от себя. Ничего нового из показаний Нечаевой он не почерпнул, ясности не прибавилось. Не сняли они и той смутной, беспокойной тревоги, что закралась в его душу.

Походив в задумчивости по кабинету, Кудимов вновь раскрыл папку и стал читать показания Фоминой — хозяйки дачи.

Фомина на все вопросы следователя отвечала охотно, не скупилась на детали, и даже при учете большой звукопроводимости дачных стен нельзя было не удивляться ее осведомленности.

«— Жили Нечаевы сначала честь по чести. Хорошо и ладно жили. А потом как пошло, как пошло. Скандал за скандалом, скандал за скандалом. Придет он вечером, выпивши, конечно. То ему не так, это не эдак. А она молчит, молчит, да потом тоже в голос, на него. Ну, тут уж шум, крик, ругань. А то и драка. Я все крещусь, бывало, чтобы до смертоубийства не дошло. А как одиннадцатого-то августа все было, я подробно обсказать затрудняюсь. Уж очень нервная стала. В те дни у меня племянник мой, Мишель, гостил. Он инженер, за границей работает, ну и приехал навестить тетку. Зашел он к Нечаевым-то на их половину, а потом возвернулся и говорит мне:

«Ну, будет сейчас дело. Только ты, тетя Паша, не вмешивайся, поостерегись». Хорошо, что упредил он меня. Вскорости у них и началось. Ссорились они, ссорились, шумели, шумели, а потом бац — свет погас. Слышу, вышел Нечаев на улицу и что-то прокричал ей насчет ключей. А потом удар какой-то послышался, треск и вспышка огненная. Перекрестилась я, решила выйти посмотреть, а тут Галина появилась. Мужа, говорит, током ударило. Позвонили мы в «Скорую», да где там...»

Изложение событий того вечера в трактовке Фоминой полностью совпадало с показаниями Нечаевой. Свидетельства племянника Фоминой Михаила Яковлевича Бородулина тоже подтверждали эту версию.

Кудимов показания Бородулина перелистал торопливо, долго вглядывался в его подпись под протоколом, затем достал записку, что лежала с брошью в бархатной коробке. Почерк, кажется, один и тот же. Кудимов вновь внимательно перечитал записку. Если графологическая экспертиза подтвердит, что записка его, значит, брошь была подарена Бородулиным. Правда, в факте подарка нет ничего сверхъестественного. Соседи все же. Но почему Галина спрятала коробку? И еще: «На память о чудесных встречах». Что это были за встречи?

Припомнилась Кудимову и еще одна деталь, оставшаяся непроясненной. О каких ключах кричал Нечаев жене? Что за ключи?

«Что-то многовато невыясненных деталей получается,— подумал Кудимов.— Но тогда надо быть логичным до конца, признать, что дело недоследовано и его надо начинать вновь...» Он понимал, что многие отнесутся к этим его соображениям с недоумением. Какой смысл? Дело закончено? Закончено. Новых весомых обстоятельств нет? Нет. Коралловая брошь? Какую же надо иметь силу воображения, чтобы связать эту безделушку с совершенно ясным несчастным случаем?

Как Кудимов и предполагал, начальник следственного отдела Коваленко — его непосредственный начальник — удивился:

— Новое расследование, конечно, можно провести. Но чего мы добьемся? Какой будет итог? Более полно будут представлены обстоятельства? Пусть так. Но сути-то они не изменят. Преступления-то здесь нет.

— Так категорически я бы не утверждал.

— Что, убийство? Чепуха. Кто его там на столбе мог убить? Не фантазируйте. Просто типичный случай безрассудства. Правда, супруга у Нечаева была такова, что от нее не только на столб, к черту в преисподнюю полезешь. Но это уже другая сторона медали.

— Ну, а если все-таки... убийство?

— Кто? Зачем? По каким мотивам?

— Ну, если бы я знал это... Можно только предположить...

— Предположить можно, а вот доказать...

— Вот я и хочу попытаться это сделать.

— Ну что же, ни пуха вам, ни пера.

С чего начать, возможно, бесперспективное занятие, Кудимов и Снежков обсуждали долго, спорили до хрипоты. Работы предстояло много. Надо было вновь и более подробно передопросить всех свидетелей этой драмы, назначить повторные экспертизы, отыскать немало новых лиц, которые общались с Нечаевыми, но не были в то время допрошены. Как знать, может быть, кто-то из них и приблизит следствие к истине?

— Итак, завтра едем в Сосновку? — еще раз переспросил Кудимова Снежков.

— Да, да, едем. Кстати, надо, видимо, снять этот запрет с сарая. Фомина уже жаловаться начала. Он что, для нас чем-то важен?

— Да ничего особенного. Опечатал я его на всякий случай, энергощиток там старый. Теперь новый установлен, в самой даче. Сарай можно и открыть. Не пойму только, зачем этой старой сквалыге он так экстренно понадобился?

— Не знаю. Телеграмму сегодня прислала.

— Откроем, раз так. Специалисты все энергохозяйство обследовали. Так что пусть пользуется своим сараем...— Сказав это, Снежков замолчал. Молчал долго. Потом расстегнул и застегнул верхнюю пуговицу кителя, что всегда являлось у него признаком большого волнения. Кудимов спросил удивленно:

— Ты что примолк?

— Павел Степанович, боюсь, что меня осенила потрясающая мысль.

— Да? И можно ее узнать?

— Помните, Фомина показывала, что Нечаев крикнул жене что-то о ключах, вроде того, посмотри, мол, ключи...

— Да, она утверждает, что слышала что-то подобное.

— А может, он крикнул не «ключи», а «включи» или «выключи»?!

Кудимов долго смотрел на Снежкова, затем встал из-за стола, закурил сигарету.

— Ты говоришь, сарай опечатан? И никто ничего в нем не трогал?

— Ну, может, кто самовольничал. Только не думаю.

— В Сосновку нам надо, Алеша, ехать не завтра, а сегодня, сейчас. Ты как?

— Что как? Раз надо — значит, надо.

Дачный сарай Фоминой был по-прежнему заперт, и сургучная печать, наложенная Снежковым на дверные створки, была на месте. Как только они вошли туда, Кудимов сразу направился к силовому щитку.

— Алексей, осмотри внимательнее, ничего не тронуто?

— Вроде все как было.

— И рубильник остался в том же положении?

— Да, в том же.

— Очень хорошо. Завтра же вези сюда экспертов, пусть вновь обследуют каждый миллиметр щитка. И особенно рубильник.

— Так проще снять весь щиток и отвезти в лабораторию.

— Ни в коем случае. Пусть приедут.

— Вы думаете...

— Ничего нового, Алеша, я не придумал. Просто взял на вооружение твою же мысль. А она... может, и не столь уж потрясающая, но что-то такое в себе содержит. Только давай не будем спешить...

...Галина Нечаева после похорон мужа заболела и находилась на излечении в городской неврологической клинике. Врачи больную беспокоить не разрешили, и Кудимову со Снежковым ничего не оставалось, как ждать ее выздоровления. За это время они узнали кое-что из ее биографии. Родилась в одной из кубанских станиц, три года назад приехала в Приозерск. Работала в проектном институте чертежницей. С Нечаевым познакомилась здесь же, он приезжал в институт от своего завода согласовывать проект нового механического цеха.

Прасковья Фомина рассказала, что бывала иногда у Галины какая-то молодая девица с места ее работы. За неделю до случая с Нечаевым тоже заскочила. Побыла несколько часов и уехала.

— Так, вертихвостка какая-то. Все глазки строила нашему Мишелю. Пощебетали, пощебетали они с Галиной, да и была такова. Обещала наведываться, но, видно, закрутилась, не появлялась больше.

Подружка Нечаевой Людмила Самохина была ультрасовременной девицей, в донельзя короткой юбчонке, со всклокоченным шатром на голове, тяжелыми от

обильного слоя краски ресницами.

— О трагедии в Сосновке? Да. Знаю. Я была уверена, что этот альянс добром не кончится.

— Что вы имеете в виду?

— Ну, их семейную жизнь.

— А почему вы так думали?

— Мужлан он был, ужасно некоммуникабельный. Ну, совсем, совсем не подходящий для Галки. И как это она за него выскочила, до сих пор не пойму.

— А какая была цель вашей поездки к Нечаевым в Сосновку?

— А мы с Галкой собирались на курсы иностранных языков поступать, потому я и поехала к ней. Только все это кувырком полетело.

— А почему она ушла из вашего проектного института?

— Ее благоверный настоял, чтобы лучше подготовилась к вступительным экзаменам.

— Выходит, заботливый был муж?

— Не знаю, может, и заботливый. Только очень уж старомодный. Ну прямо-таки доисторическая личность. Как-то мы стали танцевать с Галкой что-то невинное, но современное. Так, представляете, ушел. Смотреть, говорит, тошно. Нет, ошиблась в нем Галка, явно ошиблась. Она и сама это, по-моему, поняла и исправила бы, наверно, свою оплошность, не произойди этот дикий случай. Да что тут говорить, если бы не Мишель, она бы с ума сошла в этой Сосновке.

— Мишель? Кого вы имеете в виду?

— Ну сосед их, Мишель Бородулин.

— Они что, были... дружны?

— Кто?

— Нечаева и Бородулин.

— А что, в этом есть что-то предосудительное?

— Нет, конечно. Но вы имеете в виду дружбу семьи Нечаевых или... Галины?

Самохину этот вопрос не удивил и не озадачил.

— Насчет Нечаева сказать не могу. А взаимный интерес Мишеля и Галины был очевиден. Большего я, конечно, не знаю. Галка была не простушка. С чего бы она мне выложила свои интимные дела?

— Ну, мало ли как бывает. Может, совет ваш был нужен, помощь какая.

— У нее и без меня была советчица.

— Кто же это?

— Полина — старшая сестра. Галина уважала ее. Она на родине Галки живет, в Краснодаре.

Это было новое обстоятельство. Старшей сестре могли быть известны факты, способные пролить дополнительный свет на всю эту историю.

Капитану Снежкову приходилось бывать в самых разнообразных командировках, выпадали нередко и малоприятные поручения и тяжелые встречи с людьми. Но никогда еще он не собирался в поездку с таким тяжелым, неприятным чувством.

— Интуитивно чувствую, что этот мой вояж закончится полным провалом,— со вздохом признался он Кудимову.

— Загад не бывает богат, капитан. А может, все случится наоборот. Люди ведь все разные.

Ближе к истине в данном случае оказался Кудимов.

Преподаватель истории Полина Григорьевна Лагутенко встретила капитана сдержанно, но спокойно. Она отложила в сторону стопку ученических тетрадей, которые только что проверяла, и, сняв очки с утомленных глаз, проговорила:

— Вы, видимо, по делу Нечаева?

— Да, именно по этому делу. Извините, Полина Григорьевна, но знаете, служба, вынужден. И сразу хочу оговориться, вы вправе не отвечать на мои вопросы, отказать в моих просьбах. Но, понимаете, ряд обстоятельств требует уточнения. Потому-то мы и решили отправиться сюда, побеспокоить вас.

— Что же теперь толку в этих уточнениях? Владимира не вернешь, Галина тоже травмирована на всю жизнь. Но если могу быть полезной, то пожалуйста. Однако прежде хочу попросить вас и попросить категорически. Не встречаться с мамой, не тревожить ее. Она и так крайне плоха.

— Хорошо, Полина Григорьевна. Ограничимся беседой с вами.

— Так что же вас интересует?

— Нам стало известно, что Галина Григорьевна доверительно относилась к вам, советовалась с вами. Может, вам известно что-либо существенное из их жизни?

— Мало я знаю, очень мало. И в какой-то мере считаю себя виноватой перед Галей. Не надо было ее так рано отпускать из дому, не настояла я на этом в свое время, а теперь вот раскаиваюсь. Галя всегда была очень экзальтированной, своенравной натурой, с повышенной чувствительностью. Мы всегда боялись за нее. И, как видите, не без оснований. Уехала она в Приозерск. В институт не попала ни в первый, ни во второй раз. Это ее оскорбило, обидело, ущемило самолюбие. Звали мы ее домой, но опять-таки не настояли. Она осталась в городе, устроилась на работу. Была я у нее дважды — вроде все было хорошо. И работа неплохая. Успокоились мы, тем более что и мысль об учебе она не бросала. Потом получаем письмо: вышла замуж. Для нас это было как гром среди ясного неба. Ну, а что сделаешь? Молодые нынче сами все решают. Потом она приехала к нам с мужем. Скажу вам прямо: Владимир мне и маме понравился. Серьезный, немногословный, удивительно обстоятельный какой-то. Рады мы были за Галю. А этим летом, видимо, что-то произошло между ними. Писала Галина об этом глухо, немногословно. Но чувствовалось: мечется она, попала в трудный жизненный переплет. Не успела я ответить на ее предыдущее письмо, как получила новое. Оно меня буквально ошеломило. Галина писала ужасные вещи. Что муж ее распутник, пьяница, никчемный неудачник, что она не может с ним жить, вынуждена искать выход из заколдованного круга. Что за выход? Какой? Отругала я ее на чем свет стоит, умоляла не принимать никаких решений до нашей встречи. Рассчитывала вскоре выехать к ним. А потом получаем страшную весть о несчастье с Владимиром. Помчалась я в ваш город. Ну, сами понимаете, в каком состоянии была сестра. Успокоила, как могла, в больницу определила. Что вас еще интересует?

Снежков задумался. Просьба, с которой ему предстояло обратиться к Полине Григорьевне, после ее такого откровенного и искреннего разговора, казалась ему по меньшей мере бестактной. Но обстоятельства требовали этого.

— Полина Григорьевна, если можно, разрешите посмотреть последнее письмо Галины...

— А это очень важно? Мне бы не хотелось...

— Вынужден настоятельно просить об этом.

— Ну что же делать.

Прочтя письмо, Снежков проговорил в задумчивости:

— Да, видимо, действительно через пень колоду все пошло у них, раз столько гнева накопилось. Смотрите, какие слова: «Цепи на руках, вериги, стена, застилающая мне свет...»

— Да, конечно. Но кто мог предположить, что Нечаев окажется... таким? Галина при последней встрече рассказала ужасные вещи... Только, извините, передавать их я не буду. Мертвых обычно не судят.

— Согласен с вами. Но мой долг установить истину, какой бы она ни была горькой.

Что-то в интонации Снежкова насторожило Полину Григорьевну. Она побледнела.

— Я хочу, чтобы вы убедились в одном — Галина тонкая и искренняя натура. И если у них с Нечаевым жизнь не удалась, то вина лежит не на ней. Возможно, со временем у них и уладилось бы все, если бы не этот нелепый случай...

Что мог ответить ей Снежков? У него уже сложилось довольно определенное направление мыслей по всему этому делу. И оно было прямо противоположным мыслям Полины Григорьевны. Но травмировать раньше времени эту женщину Снежкову не хотелось.

— Полина Григорьевна, верьте: мы сделаем все, чтобы истина была установлена. Это все, что я могу вам сказать.

Окончание следует.

УВЛЕЧЕНИЕ

Когда в городе Сухуми открываешь дверь квартиры врача Ивана Ивановича Еркомайшвили, то невольно отступаешь назад: туда ли попал, в квартиру или картинную галерею? На всех стенах его двухкомнатной квартиры яркие, красочные произведения классиков мировой живописи.

Возникает вопрос: откуда такие ценности у врача?

Нет, это не подлинники, это копии с репродукций работ великих мастеров. Написаны же они самим хозяином квартиры. За последние двенадцать лет Иван Иванович скопировал репродукции многих шедевров, экспонируемых в Дрезденской галерее, в Лувре, Эрмитаже, Третьяковской галерее. У него дома можно увидеть Мурильо, Рубенса, «Вирсавию» Брюллова, а также цикл картин из жизни Шота Руставели.

В картинной галерее врача не только копии с произведений классиков, но и картин известных мастеров Закавказья: Уча Джапаридзе, Мартироса Сарьяна и других.

С годами И. И. Еркомайшвили от копирования переходит к созданию собственных картин, пишет натюрморты, портреты.

Хирургическое отделение Сухумской городской больницы украшает портрет первого хирурга Абхазии Шервашидзе. В республиканской больнице — большой портрет академика Цулукидзе. В селе, где родился академик Зурабашвили, также находится картина, исполненная самодеятельным художником.

Двери квартиры врача широко открыты для всех.

«Копии картин И. И. Еркомайшвили нельзя смотреть без волнения,— пишет в книге отзывов заслуженный художник Грузинской ССР В. Бубнова.— Как будто перелистываешь страницы истории искусств, с удовольствием встречая знакомые и совершенно новые для себя шедевры художественного творчества. Еркомайшвили для многих действительно является открывателем и пропагандистом классической живописи».

Каким же образом этот человек пристрастился к живописи? Как создает он свои полотна?

Однажды, увидев поразившее его произведение, он решил сделать копию. Первая попытка получилась не очень удачной, но он продолжал копировать классиков.

После окончания Великой Отечественной войны, во время которой сначала солдатом, а затем старшиной Иван Иванович прошел боевой путь от осажденного Ленинграда до Берлина, он, уже будучи врачом, весь досуг отдает любимому делу. Для этого посещает Эрмитаж, Третьяковскую галерею; часами, а порою и днями, используя очередной отпуск, сидит перед подлинниками, стараясь постичь секреты мастеров и передать их на полотне.

Иногда он копирует произведения, опубликованные в журнале «Огонек».

— С нетерпением ожидаю очередной номер,— говорит он,— внимательно изучаю цветные репродукции, выбираю понравившуюся мне картину. В своей библиотеке стараюсь найти биографические данные о художнике, знакомлюсь с эпохой, в которой он жил, с техникой и приемами мастера, чтобы более тонко и точно воспроизвести оригинал. Над созданием копии работаю иногда до полугода. Из «Огонька» я скопировал произведения Пуссена, Ватто и многих других художников.

Всю эту работу И. И. Еркомайшвили успешно совмещает со своей основной, медицинской деятельностью.

С интересом и удовольствием смотрят зрители работы врача. Вот, например, один из отзывов: «Не верится, что, не окончив Академию художеств, можно так блестяще осилить сложность процесса копирования картин мастеров живописи».

И. ЛИВШИЦ-КОНИКОВ

Сухуми.

Усмирен бра

СКАЗКА, ЕДВА ЛИ НЕ ВОЛШЕБНАЯ

Владимир ГОРДЕЙЧЕВ

1

Ночь темным-темна,
в ней стволов стена,
меж стволов костер
пламя распростер.
Из костра сучок
выпал: «чок» да «чок».
Ну-ка, вязовый,
сказку сказывай.

2

Тихий плес под грядой невысокой
в тихом месте, заросшем осокой.
Темный лес над рекой стоит,
из осинника состоит.
Слаще этой надречной осины
не найти для бобров древесины,
потому-то Бобер под кустом
для семьи оборудовал дом.
В эту глушь, где бобриная норка,
ни одна не заходит моторка,
вместо лодок по глади снует
водомерок проныpливый род.
Рядом с этой мелочью водной
Бобр плывет, как дредноут природный,—
никого не видать «на борту»,
но зато хворостина во рту.
Хворостину везут в подземелье,
разумеется, с жизненной целью:
Бобр приносит ее для бобрят,
и они хворостину едят.
А подчас хворостиною сына
Бобр за шалости учит. Несильно.
А потом уже его Бобер
кормит сына. Поскольку добер.
Отчего же Бобер в одиночку
ставит на ноги сына и дочку?
Кто-то с кручи был выстрелить рад,
вот и матери нет у бобрят.
В черной шубе, как в трауре строгом,
стал Бобер за двоих педагогом.
Рад Бобер, что в достатке пока
детям игр поставляет река.
Разливаясь, река в этот угол
все несет — вплоть до лыковых пугал.
Вот Бобренку апрельской рекой
и доставлен подарок такой.
Сочиненье технической мысли:
две клешни на жердинке повисли,
а личина, как глянешь впервой,
только с атомной схожа войной.
До разлива — видать по ухватке —
эта страсть ощерялась на грядке,
и вплотную приблизиться к ней
вряд ли смел хоть один воробей.
Но Бобренка находка-страшило
ни покоя, ни сна не лишила:
пенопластовой маски оскал
он, нырнув, по затону таскал.
А сестрица Бобренка без дела
из воды все бы в небо глядела,
где пронзали стрелой облака
птица Лас, птица Точ, птица Ка.
Про сестренку-печальницу эту
я от птиц и узнал по секрету:
мать Бобриху, кручины полна,
вспоминает и плачет она...
Сердца нет в палачах-шкуродерах,
браконьерах лесных, для которых
есть и будет свободный Бобер
головной лишь — и только — убор.
Плача, блея, курлыкая, воя,
да не вымрет в лесах все живое.
«Рыбнадзор-Главохота», спаси
беззащитную живность Руси!..

3

Ну, так вот. Продолжается цикл
тем, что в клуне стоит мотоцикл,
на котором отнюдь не намерен
въехать в сказку Эраст Браконьерин.
Ну, а мы, этой паузы ради,
приглядимся к ломливому дяде
и дадим его полный портрет —
описанье особых примет.
В двадцать лет ранней лысиной блещет,
да из горлышка горькую хлещет,
да кусает домашний калач,—
молодой, а уже бородач.
А рубаха на этом Эрасте
вся расписана в страсти-мордасти:
на спине — обезьяна с хвостом,
на груди — бегемот с животом.
Что рубаха? Гнушаясь родными,
он отверг и природное имя,—
на Эраста Кузьму «перешил».
— Так красивее будет,— решил.
В общем, пестрый у дяденьки вид,
но не это Эраста чернит.
Хоть и сказано в справке-бумажке,
что работал и он (на «шабашке»),—
истребитель лесного зверья,
он, увы, из породы ворья.
Он весной лебедей убивает,
а потом за индейку сбывает,
для бельчонка он делает клеть
да готовит на выхухоль сеть.
Хуторок его, тихий, как скит,
от милиции лесом укрыт.
Так живет-поживает Эраст,
на силки да на петли горазд.
С ним жена его. Выглядит просто:
молодая, обычного роста.
И живет нелюдимо она,
как и муж ее, зверски жадна.
А когда вызверяется баба,
это стыд мирового масштаба.
То ей выдай да в этом уважь,—
и напала на женщину блажь:
воротник себе требует новый
в пару к шапке мохнатой. Бобровой.
И однажды Эраст втихомолку
зарядил воровскую двустволку
и погнал работягу «Ижа»,
курс к бобровому плесу держа.
Из бутылки хватив для веселья,
мчал он просекой, как по ущелью,
сорок верст отмахал. Наконец,
был у цели добытчик-делец.
Ростовые в кустах на опушке
обломал он у елок верхушки,
не заметив, как будущий лес
под рукой его сгинул, исчез.
Он в сосну, как из меди литую,
саданул из ружья, салютуя,—
сосняка вековечную мать
обрекая смолой истекать.
На тропе, где кривая сосенка,
он поставил силок на лосенка,—
да и взрослый в ловушку, небось,
попадется — не вырвется лось.
У осинок ухмылчивый дядя
задержался, на затеси глядя,
из бутылки остатки глотнул
и посуду в осоку метнул.
Чем могла защититься природа
от напасти подобного рода?
Приказал старый Бобр детворе
замереть, затаиться в норе.
Помертвела бобровая заводь,
даже рыба не смела в ней плавать,
и дрожали в листве ивняка
птица Лас, птица Точ, птица Ка.
Да шептались кустарники тихо:
«Вот он, тот, кем убита Бобриха,
и теперь он пришел не с добром —
за бобрятами и за Бобром...»

4

И опять я в вопросы вникаю:
что за робость в природе такая?
Отчего бы чащобе лесной
не прихлопнуть Эраста сосной?
При лесов богатырственном росте
отчего им ни гнева, ни злости
к погубителям их не дано?
Право слово, понять мудрено.
Оттого это, верно, от века,
что, боясь уязвить человека,
и деревья в лесу и бобры
знают правило: люди добры.
Дать бы сдачи. Но звери и рыбки
пуще смерти боятся ошибки,
вероятность ее велика:
вдруг да вгонишь шипы в добряка!
И когда Браконьерин за глотки
с надувной прорезиненной лодки
брал бобров, из семейства всего
лишь Бобренок восстал на него.
Торпедиста любого почище
так рванул он резцами по днищу,
что в воде оказались Эраст,
и двустволка, и прочий балласт.
Но рывком на пределе силенок
был и сам перепуган Бобренок,
и, по заводи шлепнув хвостом,
он нырнул и исчез под кустом.
За Бобренком метнулись вдогонку
и родитель — Бобер и сестренка,
далеко они были, пока
полоскала Эраста река.
Еле влез Браконьерин на берег,
посмотрел с удивленьем на ерик:
«Подкузьмили зверюги Кузьму,
все равно их за жабры возьму...»
Сняв одежду, без лодки, без «тулки»,
взял лопату он малую в люльке
и пошел, все еще пьяноват,
вдоль по берегу рыть наугад.
Превзошедший и таксу и фокса,
так охотой бобровой увлекся,
что, взглянув на плеснувший затон,
в воду вновь чуть не грянулся он.
Некто в саване, сшитом без игол,
рычагами клешнястыми двигал
и, белками блестя, из реки
осклаблял на Эраста клыки.
Что поделаешь? Был Браконьерин
малограмотен и суеверен,—
на колени, теряючи прыть,
пал и начал молитву творить.
Разорваться могла бы аорта,—

ный конвер

он, конечно, подумал про черта,
что считаться за тысячи зол
по Эрастову душу пришел.
Взвыл Эраст и почти что без пульса
поскорей к мотоциклу рванулся,
чтоб сбежать и уже никогда
ни за чем не являться сюда.
Но уж тут лошадиные силы
на него удила закусили:
как Эраст на стартер ни нажмет —
ни назад мотоцикл, ни вперед.
Подчинились нажиму не вскоре
эти самые силы в моторе,
наконец возбудились и — р-раз:
сбросив всадника, скрылись из глаз.
Говорят, что они за лесами
с кабанами сдружились, с лосями
и живут вдалеке от людей —
самый резвый табун лошадей.
Бьет Эраст кулаками по вербе:
«Хоть какой-нибудь транспорт теперь бы!»
А того душегуб не учел,
что стучит он по скопищу пчел.
Из ствола, что рассохся щелясто,
так насели они на Эраста,
что со скоростью, большей, чем звук,
прянул прочь он — без майки, без брюк.
На бегу под сосенкой кривою
угодил он в силок головою,
рушил заросли хлеще лося́,
трос-удавку на шее неся.
Сорок верст исключительно чащей
он катился собакой пропащей
и домой на таком-то ходу
прибежал в совершенном бреду.
В ночь Эраста едва не до смерти
то бобры тормошили, то черти,
а наутро — хочу не хочу —
повезли бедолагу к врачу.
Сколь веревочке, вышло, ни виться,
дождалась своего психбольница,—
там и лег тунеядец, как пласт.
Вот и все. До свиданья, Эраст!

5

Разорались горласто
лягушки в реке: «Бре-ке-ке!..»
На куске пенопласта
Бобренок плывет по реке.
Он победно ликует,
действительно, мал, да удал,
коль Эраста в такую
переделку вогнал.
И сорока и дятел,
вникая в Эраста судьбу,
говорят, что он спятил
(прорезалась пятка на лбу?),
что калач этот тертый
не страшен уже, а смешон,
если принял за черта
всего только пугало он.
И сороки и галки
Бобренку вниманье дарят,
об уме и смекалке
отменных его говорят.
Стал он меньше ребенком,
чем взрослым, поскольку храбер.
И довольны Бобренком
сестрица его и Бобер.
А Бобренок обратно
направил свой плот расписной.
Не герой он, понятно,
а просто детеныш речной.
Рад он солнцу и травам,
он любит сестру и отца,
и веселым забавам
Бобренка не будет конца.

ГУМАНИЗМ СКАЗКИ

Мы долго ждали этого дня; мы — это советские и американские кинозрители. И вот она начала свой «полет» по экранам крупнейших кинозалов двух стран, сказочная «Синяя птица» — совместная постановка киностудии «Ленфильм» и компании «XX век — Фокс». Первый советско-американский фильм.

Мы знали, что в фильме снимаются кинозвезды: Элизабет Тейлор, Джейн Фонда, Ава Гарднер, а также известные советские актеры — Маргарита Терехова, Георгий Вицин, Олег Попов. Знали, что совместная постановка сулит много трудностей в работе коллектива, но и массу интересных личных контактов кинодеятелей СССР и США. Короче, из газет, радио, телевидения мы знали почти все о съемках фильма, кроме одного — каким же все-таки он получится...

Такое заинтересованное отношение вызывает далеко не каждая постановка.

И причиною тому стала, конечно же, сама замечательная сказка М. Метерлинка, ее выбор советскими и американскими кинематографистами для совместной работы. Милая, казалось бы, детская сказка заслуживает внимания взрослых зрителей, ибо несет в себе надежду и почти забытую романтику, воспевая подлинные человеческие ценности; красоту, принадлежащую всем людям, а не кому-то одному, эгоистически пожелавшему присвоить ее...

Гуманизм сказки заранее позволял съемочному коллективу рассчитывать на успех, не говоря уж о том, что постановку фильма осуществил Джордж Кьюкор, знакомый советским кинозрителям по «Даме с камелиями», «Моей прекрасной леди» и другим кинолентам.

И действительно, с первых же кадров фильм располагает к себе, едва только на экране появляются герои сказки Тильтиль и Митиль. Мальчик и девочка, брат и сестра — голубоглазые и белокурые, юные актеры Тод Лукинлэнд и Пэтси Кенсит, как бы доверчиво протянув нам руки, уводят в волшебную страну детства, где все ясно и просто, где сразу видно, что хорошо и что плохо, за что и с кем надо бороться, кого защищать.

В начале фильма Тильтиль и Митиль несут в себе смутное, не осознанное пока еще стремление к счастью, красоте, благородству. Встречи с добрыми и злыми сказочными персонажами позволяют им многое пережить и узнать: любовь и нежность, войну и ненависть, смерть, прошлое и будущее... К концу фильма дети вроде бы те же, но уже другие. Они мудрее. Они уже твердо знают, что счастье и добро — дело рук их самих. Синяя птица, символ счастья — неуловимое и такое нереальное создание — станет достоянием каждого из нас и всех вместе, живущих на земле, если и мы

Элизабет Тейлор и Пэтси Кенсит в фильме «Синяя птица».

поймем то же, что поняли в ту короткую ночь мальчик и девочка, брат и сестра Тильтиль и Митиль...

— Я-то проснулся, а ты спишь,— с глубоким сожалением говорит Тильтиль своей матери, которую обеспокоила перемена в сыне.

Проснитесь же и вы, призывает фильм. И поймите, что ни к добру, ни к злу нельзя п р и в ы к а т ь. Только при этом условии можно найти свою Синюю птицу...

Фильм фантастичен. И не только потому, что это сказка. Многие жанры искусства — театр, живопись, балет, мультипликация — нашли здесь свое яркое воплощение. Например, мы видим в исполнении балерины Нади Павловой танец Синей птицы. А через несколько мгновений рисованные «мультипликационные» крылья широкими взмахами пересекают голубое, и притом настоящее, «натурное» небо. А вот праздные обитатели царства Удовольствия. Неожиданно для кинозрителей они смыты с экрана алой живописной волной, словно неизвестный нам художник в раздражении мазнул волшебной кистью по этим фигурам и лицам, кажущимся плоскими от безделья и сытости.

И в то же время фильм реалистичен. Это можно сказать и о природе, окружающей героев картины, и о подробном, детальном показе быта семьи Тильтиль и Митиль. И конечно, прежде всего об игре актеров. Независимо от того, какие роли, большие или эпизодические, им пришлось играть в этом фильме, с подлинной щедростью отдавали советские и американские актеры свое мастерство каждому кадру «Синей птицы».

Остается лишь сказать, что совместный «эксперимент» не закончился на «Синей птице». В следующем году советские и американские кинематографисты предполагают начать съемки фильма об Анне Павловой, великой русской балерине.

Н. АЛЕКСЕЕВА

ПЕВИЦА ИЗ ДОНЕЦКА

Лилия Правдина поет то, что хорошо знакомо любителям оперы, камерного пения. Но и арии Далилы из «Самсона и Далилы» Сен-Санса, и каватина Розины из оперы Россини «Севильский цирюльник», и партия Эболи из вердиевского «Дона Карлоса» показались откровением. Да и сама певица стала открытием для московских слушателей.

Заслуженная артистка УССР, солистка Донецкого государственного русского театра оперы и балета Лилия Правдина обладает меццо-сопрано удивительного тембра. В своем родном городе, Ростове-на-Дону, Лилия училась в музыкально-педагогическом, а потом музыкальном училищах; незаурядный голос был замечен, и по совету друзей и преподавателей Лилия уехала в Москву, где успешно прошла по конкурсу в Московскую консерваторию. Педагогами ее были Е. К. Катульская и М. О. Рейзен. Лилия Правдина вскоре же начала выступать с сольными концертами в Большом и Малом залах консерватории, в спектакле учебной студии пела Ольгу в «Евгении Онегине». Окончив с отличием главный музыкальный вуз страны, она стала ведущей солисткой Свердловского театра оперы и балета. Кармен в опере Бизе, Амнерис в «Аиде», Любаша в «Царской невесте». Сейчас к этим партиям добавились уже в Донецком русском театре оперы и балета Азучена из «Трубадура», Ингигерда в опере Мейтуса «Ярослав Мудрый». И, конечно, множество выступлений на радио, телевидении, в концертных залах. Счастливое сочетание богатых голосовых данных с прекрасной вокальной школой и артистизмом позволяет певице создавать законченные образы в рамках небольших вокальных миниатюр.

Е. ЧУЖАНКИНА

Л. Правдина — Кармен. ▶

ТЕАТР ОДНОЙ АКТРИСЫ

Едва ли не самую высокую для чтеца оценку заслужила артистка Московской филармонии Надежда Михайлова, об искусстве которой старшие коллеги и ученые-искусствоведы, литераторы и зрители пишут и говорят, что это не только прекрасное художественное чтение, а театр одного актера.

Школа у нее, воспитанницы студии при Театре имени Моссовета, высокая: первыми ее учителями были О. И. Пыжова и М. П. Чистяков. А потом в течение пяти лет работы в театре ЦДКЖ молодой талант бережно растила Мария Осиповна Кнебель. Она помогла актрисе найти новую, самостоятельную дорогу в искусстве.

На этом пути легко было бы затеряться или не заметить, что топчешься на месте, если не открыть своей темы, не заговорить в полный — и тоже свой — голос. В репертуаре актрисы были уже десятки произведений русской, западной, советской классики, современной отечественной и зарубежной прозы и поэзии, прежде чем она почувствовала внутреннюю готовность к творческому воплощению изящного жанра новеллы, где богатство характеров соперничает с неожиданностью ситуаций, философское осмысление жизни — с напряженностью сюжета.

Надежда Михайлова впервые на нашей эстраде подготовила цикл «Современная зарубежная новелла», включивший несколько самостоятельных программ (американская, французская, испанская, итальянская и английская новелла), для создания которых потребовались серьезные знания, неутомимые поиски, беспощадный отбор и вкус, гражданская зрелость и эрудиция.

Будучи пропагандистом прогрессивной зарубежной литературы, артистка знакомит зрителей со многими новыми именами, свежо интерпретирует значительные, остросовременные произведения, тонко чувствуя и передавая стиль, будь то Уильям Сароян или Франсуаза Саган, Беппе Фенольо, Пабло де ла Фуэнте или Джеймс Олдридж. Она органично живет в этом стремительно развивающемся спектакле, пронизанном разнообразными мыслями и чувствами авторов и их героев, всегда непохожих, особенных.

А позиция чтеца? Она в грусти и горечи актрисы, мягком юморе и острой иронии, глубоком сочувствии человеку, зажатому в тисках буржуазного общества; серьезной озабоченности будущим людей в мире жестокости и сытого цинизма. Позиция чтеца — в единстве темы и идейной направленности цикла новелл. Исполняя их, Надежда Михайлова не ограничивается путешествием в мир так называемого маленького человека, его страданий и радостей, — в драме актриса стремится найти жизнеутверждающее начало; в привычном автоматизме существования людей — вскрыть неистребимую тягу к свободе, жажду мира и справедливости; в кажущемся бессилии — способность к борьбе за право быть человеком.

Зрители у Надежды Михайловой многочисленны и разнообразны. Актрису хорошо знают не только в Москве, но и в Ленинграде, в крупнейших городах Украины, Прибалтики, Сибири... Она желанный гость студентов и ученых, работников искусства, но самыми ответственными и волнующими для актрисы остаются встречи с рабочей аудиторией в цехах, общежитиях, дворцах культуры заводов и фабрик страны, встречи с нефтяниками Ухты и угольщиками Инты, с шахтерами Донбасса и Воркуты, с рабочими КамАЗа... Всюду публицистически страстное слово актрисы находит в сердцах тружеников горячий отклик.

Н. КИДИНА

гастроли

«ПАПА ХОЧЕТ ЖЕНИТЬСЯ»

Одесский театр музыкальной комедии — старый друг москвичей. На этот раз одесситы привозили в Москву только одну постановку: мюзикл «Поздняя серенада» по пьесе А. Арбузова «В этом милом старом доме» (либретто и стихи Ю. Рыбчинского, музыка В. Ильина, постановщик Э. Митницкий).

Сюжет мюзикла небогат интригой: Гусятников, покинутый женой, отец многочисленного «музыкального семейства», влюбился. Его избранницу Нину, девушку застенчивую и скромную, все встречают в штыки. Как же, разве может Нина сравниться с бывшей женой Гусятникова — талантливой певицей, красавицей. Неважно, что эта бывшая жена ушла из дома, ведь она еще может вернуться...

Музыка спектакля оригинальна и грациозна. Артисты Л. Сатосова, Г. Грачева, М. Демина, В. Алоин играют непринужденно и легко. Михаил Водяной музыкален и пластичен. Как он умеет перевоплощаться, как психологически тонко ведет свои роли! Мы помним, каков был у него бандит Мишка-Япончик, растяпа Галушка, суфлер Соломон... Теперь он Гусятников, добрый и наивный, неказистый с виду, мешковатый человек, который просто не видит, не хочет видеть вокруг себя ничего плохого.

Спектакль человечен. Отсюда и успех гастрольной поездки Одесского театра.

Т. ТРОИЦКАЯ

На снимке: сцена из спектакля. Гусятников — М. Водяной, Юлия — Л. Сатосова.

Фото С. Крупника

СЛУШАЛОСЬ ДЕЛО...

Женские сапожки

Больше всего она любила магазины. После работы приезжала в центр города и привычным маршрутом обходила все отделы и секции полюбившихся ей центральных, универсальных и просто магазинов, даже самых маленьких. Многие продавщицы знали ее в лицо, некоторые даже здоровались с ней как со старой знакомой.

Одета она была модно, со вкусом и внешне производила впечатление женщины обеспеченной, как говорят, с большой покупательской инициативой и способностью. Ходила от прилавка к прилавку самозабвенно и, можно даже сказать, увлеченно.

Как-то раз в шумной сутолоке пассажа она столкнулась лицом к лицу с мужчиной средних лет в темном пальто и кроликовой меховой шапке. Бросив на него короткий взгляд, она пошла себе дальше вдоль витрин. Через несколько секунд она почувствовала, как кто-то робко тронул ее за локоть. Она резко обернулась. Перед ней стоял мужчина, которого она только что видела. В руках у него была большая белая коробка с красивой импортной этикеткой.

— Есть хорошие сапоги,— весьма вкрадчиво произнес мужчина.

Думается, что даже тогда, когда полки отделов женской обуви наших магазинов будут ломиться от изобилия разноцветных и разнофасонных сапог, эта сакраментальная фраза: «Есть хорошие сапоги» — сохранит силу своего гипнотического воздействия на умы прекрасной половины человечества. А наша героиня вовсе не была исключением.

— Покажите,— моментально последовал ответ.

— Здесь же неудобно,— резонно сказал мужчина.

Они вместе вышли на улицу, завернули в тихий дворик. Как-то поособому просто, с располагающим к себе доверием он протянул ей заветную коробку. Держа в одной руке сумочку, она другой рукой стала развязывать замысловато завязанный узел бечевки.

— Подержите, пожалуйста,—обратилась она к мужчине, протягивая сумочку...

Есть в футболе и хоккее такой термин: «В одно касание». Игроки, передавая друг другу мяч или шайбу в одно касание, стремительно проходят к воротам противника. За полетом мяча или шайбы едва успеваешь уследить. Передача сумочки из рук в руки происходила по тому же принципу. Едва сумочка коснулась рук мужчины, как он в то же самое мгновение, а может быть, чуть раньше сорвался с места, рванулся за угол и исчез в шумной толпе.

Ошеломленная, неспособная выговорить ни слова, женщина стояла в незнакомом дворе. В руках она держала изящную белую коробку. В таких коробках продаются самые «фирменные» сапоги.

Вы, читатель, заинтригованы? Полагаете, что в коробке окажется плотно сбитая газетная бумага или в лучшем случае резиновые боты производства десятилетней давности. Не торопитесь. Дайте опомниться женщине. Вот она уже начинает приходить в себя. Наконец, развязывает узел, открывает крышку, под которой оказываются роскошные сапоги с рифленой платформой и беззвучной «молнией».

Чудеса? Пожалуй. Особенно если добавить, что в сумочке из кожзаменителя, с которой так стремительно исчез незнакомец, денег было три рубля с мелочью.

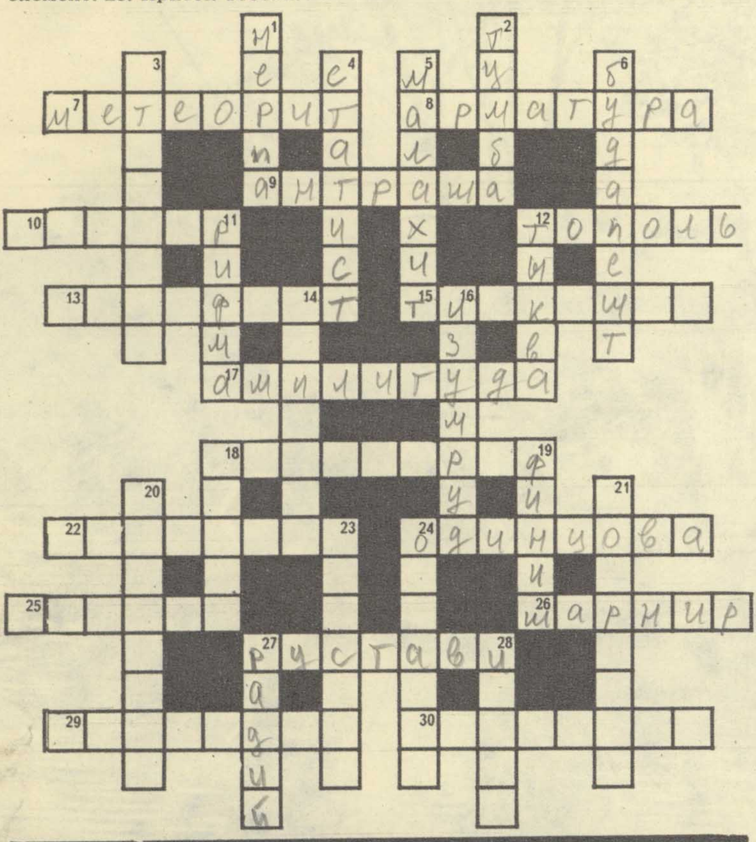
В милиции, куда обратилась совсем растерявшаяся женщина, рассмеялись. Ведь в практике редко бывает, когда вор обкрадывает себя. Но и в этом случае было совершено преступление. Милиция объявила розыск. Вскоре вора задержали. Следственные органы выяснили, что он неоднократно «обменивал» разные вещи на сумки с деньгами. Причем с большей выгодой для себя.

Суд приговорил преступника к лишению свободы.

Ю. ЧЕРНЯВСКИЙ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:
7. Твердое тело космического происхождения. 8. Каркас железобетонного сооружения. 9. Прыжок в балете. 10. Наклонная площадка для въезда транспорта. 12. Лиственное дерево. 13. Древний каменный век. 15. Птица отряда куликов. 17. Размах колебания маятника. 18. Телескоп для фотографирования Солнца. 22. Духовой инструмент. 24. Персонаж романа И. С. Тургенева «Отцы и дети». 25. Искусственное волокно. 26. Соединительный патрубок с резьбой. 27. Город в Грузии. 29. Картина А. К. Саврасова. 30. Русский композитор.

ПО ВЕРТИКАЛИ:
1. Ластоногое животное. 2. Низкий столбик у тротуара или дороги. 3. Французский писатель. 4. Актер, исполняющий роли без слов. 5. Минерал ярко-зеленого цвета. 6. Столица европейского государства. 11. Ритмическая единица стихотворной речи. 12. Бахчевая культура. 14. Трагедия Еврипида. 16. Драгоценный камень. 18. Рыба отряда окунеобразных. 19. Конечный пункт дистанции в соревнованиях. 20. Советский авиаконструктор. 21. Ягода. 23. Советский атомный ледокол. 24. Средний уровень воды. 27. Химический элемент. 28. Приток Тобола.

КРОССВОРД

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 33

По горизонтали: 5. Аристофан. 8. Лена. 9. Иена. 10. Молот. 12. Аксаков. 14. Находка. 18. Ленок. 19. Каракуль. 20. Тахометр. 21. «Каштанка». 23. Нейтрино. 25. Инари. 28. Карагач. 29. Варлаам. 30. Просо. 32. Рота. 33. Арка. 34. Квазимодо.

По вертикали: 1. Казачок. 2. Бином. 3. Офсет. 4. Андижан. 6. Веранда. 7. Антоним. 11. Леонкавалло. 13. Каравайка. 15. Костяника. 16. Альтаир. 17. Актиний. 22. Тубафон. 24. Рефлекс. 26. «Касатка». 27. Кабачок. 30. Пенал. 31. Отрог.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Резчица по дереву Галя Зеленина. «У колодца» — инкрустация из соломки Александра Рудакова. (См. в номере материал «Живут на свете художники».)

Фото М. Савина.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Директор Яснополянского детского дома Тульской области заслуженный учитель школы РСФСР Фаина Андреевна Соколова со своими воспитанниками. (См. в номере материал «Дом Соколовой».)

Фото Б. Кузьмина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 2/VIII — 1976 г. А 00697. Подп. к печ. 17/VIII — 1976 г. Формат 70×108$^{1}/_{8}$. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2049. Тираж 2 050 000 экз. Заказ № 2613.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Красота человеческая

ДОМ СОКОЛОВОЙ

Галина СЕВЕРИНА
Фото Б. КУЗЬМИНА.

Впервые в Яснополянский заповедник я попала лет десять назад, и неудачно: в музее был выходной. Стояла осень. Дождевая пыль сеялась над облетающим парком. Тускло поблескивали темные окна толстовского дома, и трудно было поверить, что когда-то из них струился свет...

— Пойдемте к Соколовой,— предложил мой спутник, инспектор облоно, и тут же пояснил: — Здесь неподалеку детский дом. Соколова там директором много лет. Вот и привыкли: к Соколовой да к Соколовой.

Детский дом... Он находится всего в двухстах шагах от знаменитых въездных башен. Тут, на открытом месте, было светло, несмотря на дождь. Где-то украдкой подсвечивало солнце. Ребята в блестящих капюшонах сновали по двору. Перед белокаменным фасадом жилого корпуса цвели темно-красные розы.

— А вот и хозяйка.— Мой провожатый указал на невысокую, худенькую женщину в темном дождевике.

— Дети! Идите в дом: чай пить пора! — сказала она, и десятки ног затопали по кирпичной дорожке к крыльцу.

«Грязи-то нанесут»,— подумала я и ошиблась: никто не вошел, не обмыв сапог в деревянном корытце. В маленькой домашней прихожей аккуратно расставляли мокрую обувь, развешивали плащи. В помещение входили в мягких тапочках.

Коридоры и спальни удивительной чистоты. Но вместе с тем в доме не было ни чопорности, ни музейных запрещений: не садиться туда-то, не трогать того-то. Ребята вели себя, как дети в родительском доме. Но у этих ребят не было родителей, и делали они все сами. Помню, я удивилась тогда: не слишком ли здесь много требуют от детей?

— Ничуть,— усмехнулась Фаина Андреевна. Видно, не одна я донимала ее этим вопросом.— Вот уже пятнадцать лет мы живем без нянек. С самого начала. Кстати, уборка не так уж сложна: у нас никто ничего не бросает на пол, не проливает...

Тут и в помине не было казенщины, иногда встречающейся в детдомах. Нарядные, здоровые, ухоженные ребятишки и смешливая, чуткая, хотя и непреклонно требовательная мать. Вот и называют Яснополянский детдом просто «домом Соколовой», как обычные семейные дома: Петровых, Ивановых и прочих. Семья тут живет!

В доме Соколовой нет замков на шкафах и дверях. День и ночь настежь открыта дверь директорского кабинета. Часто в кресле директора восседает кто-нибудь из ребят, рассматривает альбомы. Когда собирается здесь шумный детсовет, Фаина Андреевна заглянет иной раз, усмехнется, послушает — и дальше по бесконечным домашним делам.

«Очень рад был я увидеть в детском доме Ясной Поляны непринужденную простоту и внутреннюю сдержанность в поведении детей. Мне кажется — это драгоценное качество советского человека!» Так написал побывавший здесь несколько лет назад Константин Федин. Перед этими же детьми с волнением читал свои стихи Константин Симонов: «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...» Бывшие воспитанники детдома, гостившие там в то лето, хорошо помнили эти военные дороги.

— Война отняла у меня дом,

родителей, даже имя. Меня подобрала на дороге русская крестьянка, дала свою фамилию. Но и ее, мою вторую мать, расстреляли оккупанты,— рассказывала Елена Дельнова, которая живет теперь в Ахтырке. А ее подруга Татьяна Орлова понимающе кивала головой. На ее глазах в 43-м убили отца, сожгли брата. Саму Таню, обмороженную, подобрали наши бойцы...

Таких детей, обездоленных войной, четверть века назад приютил только что созданный Яснополянский детдом. Фаину Андреевну вызвали в обком КПСС и сказали, что этим детям надо заменить мать, вернуть им детство. А у Фаины Андреевны своих двое без отца: муж ее, Николай Кузьмич Соколов, погиб в первые дни войны. Осталась она одна, 22-летняя, с малышами. Приняла на себя после ушедшего на фронт мужа руководство Алексинским детским домом. И недаром Тульский обком партии, когда искал подходящего человека для организации нового дома, выбрал именно ее — женщину щедрого сердца и трудной судьбы.

— Мы пришли на пустое место. Песок, глина, канавы. Руки опускались,— вспоминает бывшая воспитанница Зоя Тимохина.— Но мы видели, как Фаина Андреевна вместе с воспитателями, не разгибаясь, работает в огороде, в саду, возит топливо, красит стены. И мы принимались за дело.

Сейчас дети Фаины Андреевны, Лидия Николаевна и Валентин Николаевич, оба учителя, часто вспоминают, как маленькими иногда с плачем искали мать. Фаина Андреевна с утра не видела собственных детей, не знала, что ели, чем занимались, но встречала с укором:

— Эх, вы! Ревушки-коровушки! У вас мать есть, а тут дети без никого. Должна же я с ними побыть!

И ребятишки замолкали, с сочувствием глядели на сирот. Наверное, неспроста Лидия и Валентин выбрали для себя профессию педагога: мать всегда будет для них идеалом, образцом, как и для многих воспитанников детдома, ставших учителями.

Высокие примеры заразительны. Вряд ли Яснополянский детдом был бы так хорош, если б не имел сплоченного коллектива воспитателей и сотрудников.

Страстная увлеченность Виктора Павловича Орехова, агронома, передавалась ребятам. Детский дом занимает одно из первых мест в области по цветоводству и не раз был участником ВДНХ. А шофер Александр Иванович Лизунов! Двадцать пять лет он в детском доме. Скольких мальчишек обучил автомобильному делу!

Воспитывают все — таков неписаный закон яснополянцев. Истопник, повар, кастелянша, завхоз — каждый человек являет пример честности, трудолюбия, высокой нравственности. Люди с запятнанной репутацией стороной обходят дом Соколовой. Не подпустит она таких к детям...

Недавно я снова гостила в Ясной Поляне. Трепетом листвы приветствовали экскурсантов березы «Прешпекта». Люди шли молча. Зона тишины... Но где-то в глубине, у Абрамовской посадки, звенели детские голоса. И я вспомнила о зеленой палочке, которую всю жизнь искал Толстой.

— Кстати, об этом,— говорила мне при новой встрече Фаина Андреевна, разбирая почту.— Вот что пишет моя давняя воспитанница Маруся Митусова из Костромы: «Зеленая палочка Толстого! Какое удивительное совпадение, что мы, горькие дети войны, получили свое счастье именно в Ясной Поляне!»

— Вы всех помните? Знаете судьбу каждого?

— Конечно! Дети же...

Дети, у которых давно уже свои дети! А по дорожкам, проложенным 25 лет назад сиротами войны, бегают новые воспитанники. Их по-прежнему сто, как и раньше. Жизнь не укатанная парковая дорожка. Горе может обрушиться на детские плечи и посреди мирной жизни. Но каждого ребенка нужно сделать счастливым. Не всегда это удается сразу. Приходят колючие, ершистые, обиженные на судьбу. Никаким требованиям не желают подчиняться. Бунтуют. Дай такому руку — вцепится, как волчонок. Фаина Андреевна не боится укусов от отчаяния и обиды. Не отнимает терпеливых, добрых рук. А животворные детдомовские традиции, каждодневная забота делают свое дело. И главное — веселый, увлекательный труд, в котором участвуют все, от мала до велика.

Мы идем по дому, где все сделано детскими руками. Детдом давно оправдывает себя. Швейная мастерская, где старшие девочки обшивают себя и малышей. Свиноферма, обеспечивающая не только детдом, но и сдающая пять тонн мяса государству. Огород и сад, питающий ребят круглый год овощами и фруктами.

Все тут овеяно уютом, теплом. Старшие дети, как называет Фаина Андреевна своих бывших воспитанников, ждут не дождутся лета, чтобы приехать в отчий дом. Дом, где всегда застанешь мать: ни на один день не уходила со своего поста коммунистка Соколова. И всегда она готова помочь, заступиться, обласкать, накормить. Да, и накормить, потому что для странствующих по свету взрослых сыновей и дочерей ничего нет вкуснее материнского пирога. Ведь он пахнет детством, радостью.

Весна. Яснополянский парк пропитан солнцем, запахом берез, тишиной. По стертым ступеням старого графского дома поднимаются люди. Но Толстого здесь нет, и не кажется, что он вот-вот появится из-за угла. Всем известно, что он ушел отсюда в глухую октябрьскую ночь, ушел с тем, чтобы не вернуться.

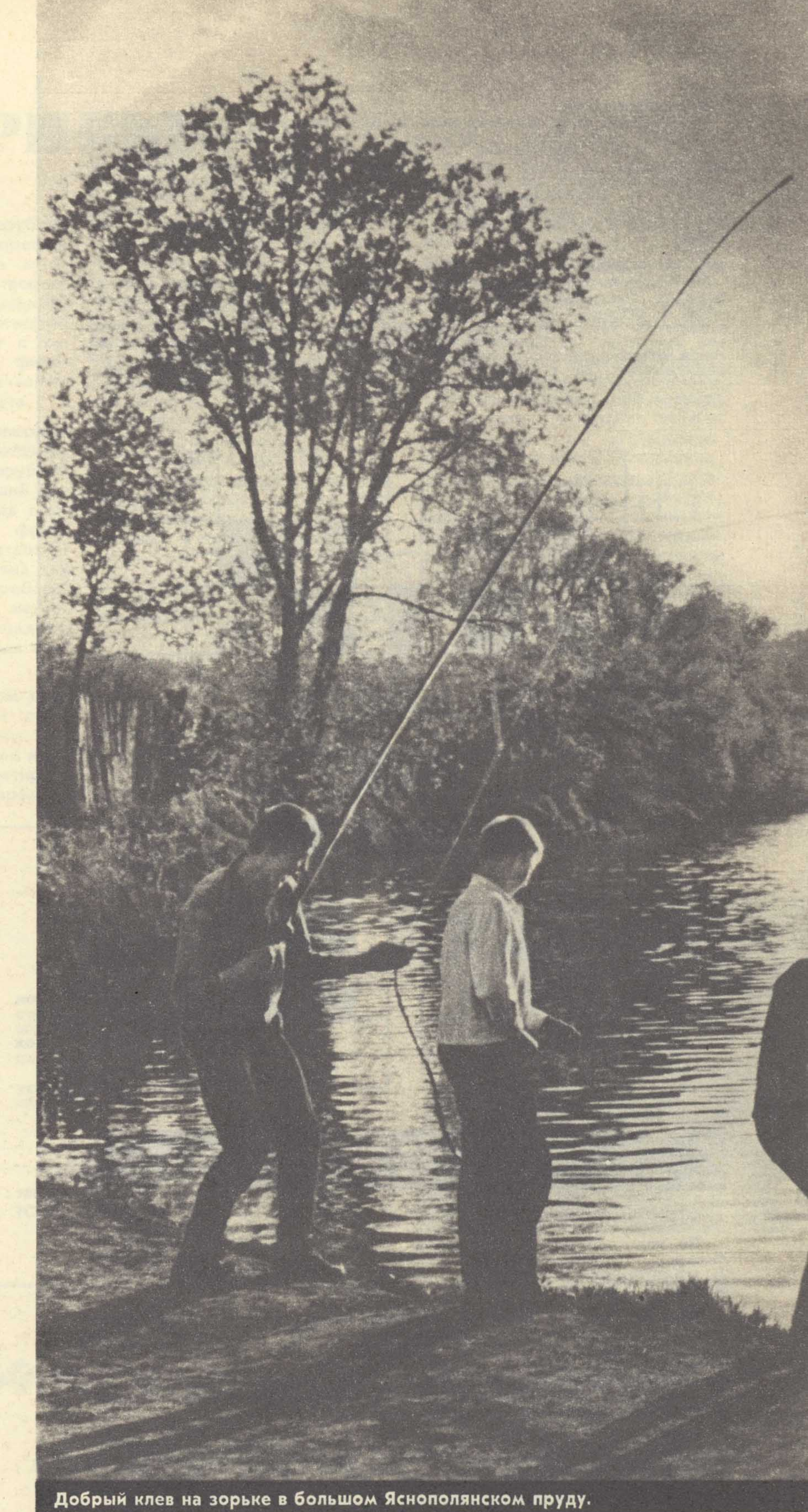
А вот в доме Соколовой, рядышком, почему-то ощущаешь присутствие великого старца. В этих бегающих, поющих, всегда чем-то занятых ребятах как нельзя лучше воплотился идеал свободного, высоконравственного, творческого развития ребенка.

— Сироты?! — удивлялись гости из Америки, зашедшие по пути из заповедника в детский дом.

А мудрый индийский писатель записал в книге отзывов: «Когда великое государство является родителем — сирот не может быть».

Пять лет назад Фаину Андреевну наградили орденом Ленина. Недавно ей присвоено звание заслуженной учительницы школы РСФСР.

Дом Соколовой все хорошеет, и нет такого ребенка, который, оказавшись в нем, не нашел бы своего счастья.

Добрый клев на зорьке в большом Яснополянском пруду.

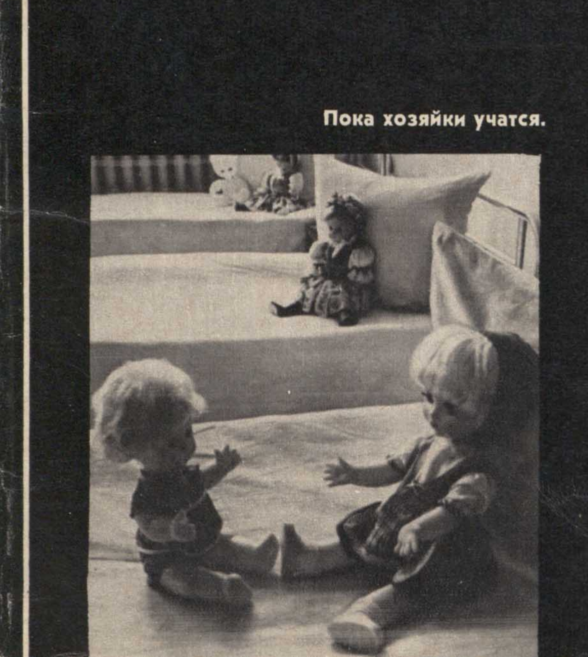

Сегодня дежурный санитар Валя Сафронова.

Сережа Карнаушкин, похоже, будет баянистом.

Пока хозяйки учатся.

Фотолетопись своего дома ведут Юра Гришин и Сережа Казаков.

Алеша Терновский — просто отличник.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663